

ВОЙНА И МЫ

Юрий Мухин

БЛИЦКРИГ

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

РАЗГАДКА
«МОЛНИЕНОСНОЙ ВОЙНЫ»

Юрий Игнатьевич Мухин

Блицкриг: как это делается?

Секрет «молниеносной войны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6694810

Юрий Мухин. Блицкриг: как это делается? Секрет «молниеносной войны»: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-9955-0722-2

Аннотация

НОВАЯ КНИГА ведущего историка-сталиниста! Анализ главного военного мифа XX века. Разгадка тайны «молниеносной войны» и феноменальных побед Вермахта в 1939—1941 гг.

Знаете ли вы, что немецкие триумфы в Польше и Франции стали полнейшей неожиданностью не только для врагов Рейха, но и для самих гитлеровцев? Почему Блицкриг провалился в СССР и, несмотря на чудовищные потери Красной Армии, отчаянное сопротивление советских войск не только не было сломлено, а наоборот – возрастало? Удалось бы отстоять Москву, покинь Сталин столицу в октябре 41-го, когда немцы были в 30 км от Кремля? Знаете, что в те страшные дни М. И. Калинин ответил академику Вернадскому, в панике заявившему: мол, «всё пропало»? «Мы – русские, нам нужно время, чтобы рассвирепеть!» Какие уроки можно извлечь из блицкригов Второй Мировой? Что является единственным «противоядием»

от «молниеносной войны»? И почему этот опыт столь жизненно необходим нам сегодня?

Содержание

Предисловие	6
Актуальность	6
Методика	13
Глава 1	16
Растерянность политиков	16
Растерянность генералов	23
Ответственность народа за все и всех	32
Начало войны	37
Цели войны	40
Сила государства	43
Глава 2	48
Моральная сила и деморализация противника	48
Гитлер как ученик англосаксов	55
Способы уничтожения моральных сил противника	59
«Пятая колонна»	66
Деморализующее влияние «пятой колонны»	69
Волонтеры «пятой колонны»	74
Завышение оценки моральных сил жертвы агрессии	83
Занижение оценки моральных сил жертвы агрессии	88
Выводы	95

Глава 3	97
О руководстве экономикой	97
Планирование	101
Эффективность плановой экономики	107
Сельское хозяйство	112
Военное производство	120
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Юрий Мухин

Блицкриг: как это делается? Секрет «молниеносной войны»

Предисловие

Актуальность

Болтовни о мире много, даже есть некая миротворческая организация – ООН, тем не менее войны не прекращаются и ведутся, надо сказать, довольно быстро, причем неравенство сил в этих войнах не объясняет их быстроты.

С другой стороны, поскольку нет недостатка в аналитиках и историках, объясняющих быстроту современных войн, зачем тогда еще и моя работа на эту тему? Но если вы посмотрите, то увидите, что все историки до настоящего времени, объясняя, что такое молниеносная война, ограничиваются чисто военными и даже только полководческими аспектами, сводящимися к примитивным количественным выводам, к примеру, уверяя, что все дело в том, что у Герма-

нии было много танков и самолетов. Короче, если у вас много-много моторов, то и войну вы проведете молниеносно, поскольку молниеносная война – это «война моторов».

Начало такому объяснению положил, пожалуй, британский генерал, теоретик механизации войск и историк Джон Фуллер: *«Кампания показала (1940 года против Франции. – Ю. М.), что перед лицом атаки танковых и моторизованных сил линейная оборона устарела. Любая форма линейной обороны независимо от того, состояла ли она из долговременных сооружений или из поспешно возведенных полевых укреплений, какие неоднократно останавливали наступающего в Первую мировую войну, оказалась наихудшим видом обороны; когда танковые силы противника прорывали оборонительную полосу, защитники не могли сосредоточить свои войска для контратаки...»*

Далее, германо-польская война показала, что части прикрытия, в задачу которых входит наблюдать за противником и задерживать его, а не ввязываться в решительную схватку, должны обладать очень большой подвижностью, чтобы быть в состоянии быстро наступать и отступить». Казалось бы, все правильно, «профессионально» и умно. Но ведь в 1940 году и у англо-французских союзников танков и самолетов было столько же, сколько и у Германии, почему же они молниеносно не выиграли войну у Германии? А в 1941 году у СССР этого железного добра было в разы больше, чем у Германии. И что толку было СССР от

этого?

К. Клаузевиц, подробнее о котором ниже, писал: *«Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно»*. Честно говоря, я тоже так думал, но, читая современных историков и аналитиков, прихожу к мысли, что либо Клаузевиц сильно польстил современникам, либо в XIX веке людей со здравым умом было существенно больше, чем сегодня.

К примеру, собирая к книге материалы, скопировал длинную статью Алексея Исаева (популярного молодого российского историка) «Инструмент «блицкрига». Интригу первого абзаца осилил легко: *«Внушительные успехи танковых войск Германии в период «блицкригов» 1939—1942 годов уже много лет остаются одной из загадок Второй мировой войны. Целые государства рассыпались, словно карточные домики, под ударами танковых клиньев»*. Далее начал читать, вернее, продираться сквозь:

«...Например, 1 мая 1940 г. в составе германской армии было 1077 Pz. I, 1092 Pz. II, 143 Pz. 35 (t), 238 Pz. 38 (t), 381 Pz. III, 290 Pz. IV и 244 вооруженных только макетами орудий и пулеметами командирских танков. Французская армия имела 1207 легких танков R-35, 695 легких танков H-35 и H-39, примерно по 200 танкеток AMC-35 и AMR-35, 90 легких FCM-36, 210 средних D1 и D2, 243 средних Сома S-35, 314 тяжелых В1 различных модификаций... Перед французской кампанией рота средних танков по шта-

ту от 21 февраля 1940 г. состояла из восьми танков Pz. IV, [364] шести Pz. II и одного командирского танка на шасси Pz. 1. Штат К. StN. 11751 от 1 февраля 1941 года (1 KStN. (Kriegsstärkenachweisung) – штаты военного времени (нем.)) предусматривал в составе роты средних танков 14 танков Pz. IV и 5 Pz. II. Фактически во всех танковых дивизиях к началу «Барбароссы» отсутствовал 3-й взвод в роте, и она насчитывала 10 Pz. IV... Это позволяло перемещать взвод на пяти легких грузовиках Kfz. 70 (Krupp [377] «Protze» L2H143, Steyer 1500A, Horch-108, Horch-801, Mez des-Benz L1500A)... 14-я танковая дивизия состояла из трех танковых батальонов, которые на 20 июня 1942 года насчитывали: 14 танков Pz. II, 41 танк Pz. III с 50-мм короткоствольным орудием, 19 [380] танков Pz. III с 50-мм 60-калиберным орудием, 20 танков Pz. IV с 24-калиберным 75-мм «окурком», 4 танка Pz. IV с 75-мм длинноствольным орудием и 4 командирских танка. 16-я танковая дивизия в начале второго сражения за Ростов 1 июля 1941 года насчитывала 13 танков Pz. II, 39 танков Pz. III с 50-мм короткоствольным орудием, 18 танков Pz. III с 50-мм 60-калиберным орудием, 15 танков Pz. IV с 24-калиберным 75-мм орудием, 12 танков Pz. IV с 43-калиберным 75-мм орудием и 3 командирских танка. На тот же день 1 июля 1942 года 22-я танковая дивизия (тогда еще двухбатальонная) насчитывала 28 танков Pz. II, 114 танков Pz. 38 (t), 12 танков Pz. III с 50-мм 60-калиберным орудием, 11 танков Pz. IV с 24-калиберным 75-

мм орудием и 11 танков Pz. IV с 43-калиберным 75-мм орудием». М-да... Что поделать — умным быть не запретишь!

Поэтому плюнул на текст и сразу перешел к выводам, которые Исаев сделал об «инструменте блицкрига». По его просвещенному этими Pz. 38 (t) и Pz. IV мнению, «инструмент блицкрига» таков:

«В 1934—1940 годах в Германии была создана весьма совершенная организационная структура танковых войск, позволявшая динамично проводить операции огромного масштаба и значимости. Моторизованные (танковые) корпуса вермахта, одним из которых командовал Э. фон Макензен, стали опорой «блицкрига». Поэтому в поисках причин успехов Германии в начальном периоде войны нужно обратить свой взгляд именно на них, а не на мифические и реальные недостатки собственной армии. В руках у противника был своего рода «меч-кладенец», симметричного ответа которому не удавалось найти довольно долго. Эквивалентом немецких танковых корпусов в СССР стали танковые армии, первое успешное выступление которых относится к периоду Сталинградской битвы. К осени 1943 года организационная структура танковых армий была окончательно сбалансирована, и они стали инструментом успешных наступательных операций Красной Армии 1943—1944 годов».

Это все.

Оставляю в стороне то, что мой, сделанный в 2001 году, вывод об отличии танковых дивизий немцев от наших тан-

ковых корпусов в том, что в немецких дивизиях были подвижными не только танки и не столько танки, а все рода войск, Исаев теперь выдает за свое открытие без ссылок на меня. Но, правда, заменив русские общепринятые названия немецкой техники немецкими названиями. Видимо, чтобы дураки восхищались его, исаевской, «научностью». Дураки, наверное, и восхищаются, но я писал, что этим подвижным комплексом родов войск немецкой дивизии создается всего лишь максимальная ударность этих соединений, необходимая для быстрого поиска слабых мест в обороне противника и быстрого прорыва его обороны. Исаев же, как видите, поднял организацию немецкой танковой дивизии на небывалую высоту, объявив ее не инструментом прорыва обороны, а инструментом всего блицкрига. По пониманию сути происходящего, такой вывод равнозначен выводу повара, что картошка, это и есть суп.

Ведь по Исаеву получается, что в войне молниеносно победит тот, кто:

- создаст танковые корпуса по аналогии с немецкими танковыми дивизиями;
- будет шесть лет вести войну;
- торжественно подпишет полную и безоговорочную капитуляцию.

Как хотите, но мне показалось, что этого маловато будет для понимания того, как и чем вести молниеносную войну.

Ведь если немцы даже с СССР, и даже «молниеносно»,

воевали (по самому же Исаеву) полтора года до Сталинградской битвы, так и не сумев добиться победы, и в результате вместе со своими танковыми дивизиями войну проиграли, то ведь очевидно, что молниеносность первых этапов Второй мировой войны определили не танковые дивизии и даже не немцы, а те страны, с которыми немцы молниеносно воевали. Определило то, что Исаев считает несущественным.

Методика

Вот поэтому я и взялся за эту работу. Ведь я, в точном смысле этого слова, не историк, я политик. Политик, изучающий историю не ради гонораров или праздного любопытства, а для того, чтобы сегодня использовать находки предшественников и не повторить их ошибки. И если я не разберусь с этим вопросом, то кто кроме меня?

А в чем разница?

Любое общественное явление или событие имеет сотни обстоятельств, описывающих и характеризующих это событие. Надо сказать, что в технике и науке исследовать легче, поскольку там факторов и параметров процесса существенно меньше, чем в общественной жизни. И когда исследователь делает тот или иной вывод по событию, то он опирается на эти обстоятельства, как правило, уверяя, что опирается на все ему известные. Но, во-первых, важные обстоятельства не всегда заметны, а часто просто скрываются заинтересованными лицами. Во-вторых, обстоятельства не все равноценны и не все пригодны для постановки вывода.

И, наконец, исследователь общественной жизни – это не амперметр или микрометр, он сам является частицей этой жизни и оценивает ее не с объективной позиции, как бы он этого ни хотел, а с позиции своего знания жизни. А эти знания разительно отличаются, скажем, у московского исто-

рика, окончившего МГУ, никогда никем не руководившего в условиях обязательного исполнения дела подчиненными и сделавшего карьеру на тихой кафедре в каком-либо московском институте, и у председателя колхоза, обязанного ежедневно вывезти в город 20 тонн молока и руководящего полутысячей человек, очень «неинтеллигентных». Я не хочу сказать, что у этого историка знаний, как таковых, меньше, особенно книжных, но если речь пойдет об управлении людьми, то эти его знания не о том. Не о том, что нужно знать, чтобы исследовать в этой области. А явления общественной жизни – это сплошь исследования поступков людей, находившихся в системе управления. Тут выводы председателя колхоза будут надежнее.

Так вот, исходя из своего опыта, исследователи и выбирают обстоятельства для постановки вывода, и их разный опыт приведет к выбору разных обстоятельств и разным выводам. Образный пример. Вот парень женился на девушке, почему? Обстоятельств, по которым можно сделать вывод, десятки – тут и ее красота, и характер, и наличие богатого папы, и прочее, прочее. И один исследователь, исходя из своего опыта, сделает вывод, что парень женился потому, что у девушки богатый папа, а другой, исходя из своего опыта, сделает вывод, что он женился по любви. И оба будут основывать свои выводы на фактах порою одних и тех же, и оба будут правы (по-своему), а выводы будут разными. Эту проблему жизненного опыта исследователя хорошо передает ирониче-

ская сентенция: «Коммунисты считают Сталина коммунистом. Патриоты считают Сталина патриотом. Националисты считают Сталина националистом. Мерзавцы считают Сталина мерзавцем».

Вот, скажем, историк разбирает тактико-технические данные самолетов и подготовку летчиков. Это важно, из этого исследования может появиться любопытный вывод. Но для политика этот вывод третьестепенен. Почему? Потому, что у политика есть подчиненные, и ему важно, были ли у исторических личностей того времени возможности найти талантливых и трудолюбивых конструкторов и изготовителей самолета и были ли возможности подготовить умелых и храбрых летчиков? Политика не любопытство толкает на исследования, а вопрос, что сегодня делать, чтобы были такие самолеты и такие летчики?

Глава 1

Общие вопросы

Растерянность политиков

У молниеносной войны есть феномен, который до сих пор обойден вниманием даже тех исследователей, которые начали заниматься ее молниеносностью сразу же после окончания Второй мировой войны – по свежим следам. Скажем, помянутый британский военный аналитик Д. Фуллер ни слова не написал об этом феномене в своей книге «Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор», вышедшей из печати еще в 1948 году.

Этот феномен – полная неожиданность подобного рода войны для всех ее участников и свидетелей.

Поясню эту мысль на примере ядерной войны. Ядерной войны в мире еще не было, но ведь случись ядерная война, ее начало, да, может быть внезапным, но сама по себе она не будет неожиданной – о ней знают с момента создания ядерного оружия, и ее ждут, а само понятие такой войны и термин для нее уже готовы.

А вот термин «молниеносная война» (Blitzkrieg, «блицкриг») возник только после победы нацистской Германии

над Польшей в 1939 году, и возник потому, что (с учетом общих сил вступивших в войну государств и численности их вооруженных сил) кратковременность этой войны была действительно феноменальной. Ранним утром 1 сентября 1939 года немецкий бронепоезд сделал первый выстрел в этой войне, а уже 17 сентября 1939 года правительство Польши и командование ее вооруженных сил бежали из страны, так сказать, не попрощавшись ни с народом, ни с вооруженными силами. А ведь вооруженные силы Польши считались в Европе одними из самых сильных!

Причем, что в данном случае особенно интересно, сама эта молниеносность (быстрота) войны с Польшей оказалась неожиданной и для главных действующих лиц этой войны.

Пожалуй, наименее глупо выглядит правительство СССР, уже хотя бы потому, что Советскому Союзу отводилась роль нейтральной страны, и РККА незачем было готовиться к войне с Польшей. Однако Гитлер, боясь предстоящей войны, все же хотел втянуть СССР в конфликт с Польшей на своей стороне, и еще 29 августа Германия пригласила СССР тоже ввести войска в Польшу в сферу влияния СССР. Но правительство СССР отказалось, и отказалось на том основании, что Германия с Польшей еще могут заключить перемирие. То есть самым худшим сценарием развития событий для Польши СССР считал заключение ею сепаратного перемирия с Германией, а судя по тому, как он помогал Польше перед войной и в ее начале, Советский Союз был уверен, что

Польша с союзниками Англией и Францией окажутся победителями.

И лишь когда немцы проинформировали СССР, что румыны уже ждут у себя удирающих правительство и генералитет Польши, когда стало ясно, что польского государства уже нет, когда стало ясно, что немцам просто не с кем заключать перемирие, в Советском Союзе началось организационное движение. Только 9 сентября СССР спешно объявил мобилизацию и начал создавать два фронта для похода в Польшу. Для мобилизации СССР надо было 15 дней, то есть приказы на боевые действия создаваемым в спешном порядке фронтам должны были быть даны где-то к 24 сентября. А на самом деле советские соединения, не успев полностью отмотилизоваться, уже 17 сентября вынуждены были входить на территорию бывшей Польши для защиты западных украинцев и белорусов от оккупации их немцами, – практически через неделю после начала мобилизации!

То есть у правительства СССР и мысли не было, что война может протекать так быстро и закончиться полным уничтожением Польши как государства, иначе СССР, чтобы успеть провести мобилизацию, объявил бы ее еще в августе.

Совершенно глупо выглядят союзники Польши.

Англия, объявив Германии войну 3 сентября, вообще не имела армии, способной высадиться на континенте, поскольку полагала, что успеет отмотилизовать необходимые силы за время, пока агрессию немцев будут сдерживать поляки и

французы.

Согласно франко– и англо-польского договоров, Франция обязывалась в случае германской агрессии против Польши немедленно провести ряд наступательных операций с ограниченными целями против немецкого Западного фронта, и лишь после 15-го дня мобилизации, отмобилизовав армию, французы должны были организовать широкое наступление на Германию основными силами.

Англия и Франция объявили мобилизацию 1 сентября, а 3-го вступили в войну, и уже 5 сентября Франция, исполняя договоренность с Польшей, действительно провела частную наступательную операцию. Но представитель французской армии при польском Генштабе уже 10 сентября доложил в Париж, что в польской армии царит полнейший хаос, главное польское командование практически не имеет связи с войсками, практически не имеет никакой информации о продвижении немцев и положении собственных войск и что польская армия, собственно, уже разгромлена.

Правящие круги Англии и Франции (особенно Англии) так презрительно отказавшиеся от помощи СССР в войне с немцами потому, что верили в военную мощь Польши, оказались в положении идиотов. Идиотов, не способных оценить обстановку даже в такой переполненной «профессионалами» и «аналитиками» сфере, как война.

Со своей распиаренной гениальностью точно так же – глупо – выглядит и самый застенчивый участник Второй миро-

вой войны – международное еврейство – сионисты. Решая свою внешнюю задачу – создание метрополии (государства Израиль), международное еврейство хотя и тайно, но опрометчиво выступило на стороне Гитлера, и лишь когда выяснилось безусловное поражение Германии в войне, переметнулось на сторону победителей. Создание метрополии международного еврейства отодвинулось на 1948 год и произошло с помощью победителей во Второй мировой.

Но что особенно поразительно, совершенно глупо выглядят герои и авторы молниеносной войны – немцы.

Немцы боялись войны и не были уверены не то что в ее молниеносном характере, а и вообще в собственной победе. Они высоко ценили свою армию и ее основу – пехоту, но из-за скорости формирования своих вооруженных сил не были уверены в их боевом духе уже в силу того, что война с Польшей была первой, а армия Германии еще не приобрела ни профессионального опыта, ни моральной уверенности. По мобилизации была сформирована 51-я немецкая дивизия, в которых кадрового состава было по 5%. И, в принципе, в этой оценке своей армии немцы не ошибались – их армия и показала свою слабость. Уже после победы над Польшей немецкий генерал фон Бок докладывал в Генштабе сухопутных войск свои впечатления от немецких войск: *«Той пехоты, которая была в 1914 году, мы даже приблизительно не имеем. У солдат нет наступательного порыва и не хватает инициативы. Все базируется на командном составе,*

а отсюда – потери в офицерах. Пулеметы на переднем крае молчат, так как пулеметчики боятся себя обнаружить» .

Главкомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал Браухич также не был доволен войсками и спустя полтора месяца после победы над Польшей. 5 ноября он в присутствии Гитлера высказал свое суждение о них:

«1. Пехота показала себя в польской войне безразличной и лишенной боевого наступательного духа; ей не хватало именно боевой подготовки и владения наступательной тактикой, так же и ввиду недостаточного умения младших командиров.

2. Дисциплина, к сожалению, очень упала: в настоящее время царит такая же ситуация, как в 1917 г.; это проявилось в алкогольных эксцессах и в распущенном поведении при перебросках по железным дорогам, на вокзалах и т. п. У него имеются донесения об этом, в том числе и военных комендантов железнодорожных станций, а также ряд судебных дел с приговорами за тяжкие дисциплинарные проступки. Армия нуждается в интенсивном воспитательно-боевом обучении, прежде чем она сможет быть двинута против отдохнувшего и хорошо подготовленного противника на Западе».

И Гитлер, разумеется, слабость своей армии знал, поэтому, собрав боссов партии, министров и депутатов рейхстага за три дня до войны, 28 августа 1939 г., сообщил, что минимальные требования от Польши: «Данциг, решение вопроса о

коридоре» – т. е. минимум, позволяющий начинающей войну Германии сохранить лицо в случае ее окончания вничью. А максимальные требования – *«в зависимости от складывающейся обстановки»*, т. е. от того, каковы будут успехи в боях. Но он закончил: *«Война очень тяжелая, возможно безнадёжная. Но пока я жив, о капитуляции не будет и речи»*. Сами понимаете, начинать войну с мыслями о капитуляции не просто, тут о ее молниеносности уже не думают.

И 7 сентября, перебирая возможные варианты развития событий, Гитлер в случае, если поляки предложат немцам перемирие, сформировал требования Германии, которые начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записал в дневнике: *«Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой – Польше; промышленный район – нам; Краков – Польше; северная окраина Бескидов – нам; области (Западной) Украины – самостоятельны»*. Как видите, в этих требованиях и мысли не было о ликвидации Польши как государства, и хотя немцы уже заняли Краков, они собирались даже его вернуть полякам.

Но это прошляпили политики, а что генералы?

Растерянность генералов

Немецкого фельдмаршала Э. Манштейна иностранные историки считают самым блестящим стратегом рейха и самым опасным противником союзников, мало этого, даже его ревнивые к военной славе коллеги отдают ему должное. Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) В. Кейтель в мемуарах, написанных в Нюрнбергской тюрьме незадолго до казни, писал: *«Я сам трижды советовал Гитлеру заменить меня фон Маништейном»*. Немецкий теоретик и практик танковых войск Г. Гудериан дает Манштейну такую оценку: *«Манштейн со своими выдающимися военными способностями и с закалкой, полученной в германском генеральном штабе, трезвыми и хладнокровными суждениями – наш самый лучший оперативный ум»*. После войны Манштейн написал мемуары «Утерянные победы», абсолютно лживые в части, касающейся его собственного авантюризма, но, отдам ему должное, по степени осмысления боевых действий, целей и задач войск Манштейн действительно заслуживает внимания.

Но вот посмотрите на попытку Манштейна осмыслить, что такое эта самая молниеносная война:

«Польская кампания в то время получила название «молниеносной войны». Действительно, эта кампания по быст-

роте ее проведения и результатам являлась единственной в своем роде, пока впоследствии наступление немцев на западе не явилось подобным же достижением, но в еще больших масштабах.

Чтобы, однако, правильно оценить события, надо учесть сказанное в предыдущей главе о перспективах, открывавшихся в этой войне перед Польшей.

Действительно, эта кампания должна была быть выиграна немцами, если учесть гораздо более благоприятную для них обстановку перед началом военных действий, а также их превосходство при наличии двух предпосылок:

– во-первых, если бы немецкое командование пошло на большой риск на западе, чтобы располагать необходимым превосходством сил на востоке;

– во-вторых, если бы западные державы не воспользовались этими рискованными действиями, чтобы своевременно прийти на помощь полякам.

Не подлежит сомнению, что события могли развиваться совсем иначе, если бы западные державы начали наступление на западе как можно раньше. Правда, польское командование должно было бы учесть этот факт и, проявив немного больше здравого смысла, не растрачивать с самого начала свои силы, стремясь удержать то, что нельзя было удержать. Оно должно было бы, наоборот, с самого начала кампании сосредоточивать свои силы на решающих участках, систематически преследовать цель выиг-

рать время, свергнуть немцев в настоящую пучину войны на два фронта. Храбрость, с которой польские войска сражались до последнего момента, создала бы польскому командованию возможность продержаться до того момента, пока союзники, выйдя на Рейн, не заставили бы командование германской армии раньше времени прервать польскую кампанию. Таким образом, как уже однажды выразился граф Шлиффен, побежденные и на этот раз внесли свою лепту в дело победы, одержанной противником.

С другой стороны, необходимо, однако, признать, что быструю и решительную победу, одержанную в польской кампании, следует все же приписать не только влиянию благоприятной оперативной обстановки, но и достигнутому благодаря большому риску превосходству на стороне немцев, лучшему управлению войсками и более высоким боевым качествам немецких войск.

Важную роль в достижении высоких темпов проведения кампании сыграли новые принципы использования самостоятельно действующих танковых соединений и поддержка авиации, обладавшей подавляющим превосходством. Но решающим фактором, вероятно, наряду с неоднократно испытанной храбростью немецкого солдата и его готовностью к самопожертвованию, был наступательный порыв, который овладел немецким командованием и войсками. Насколько очевидно, что техническое оснащение армии в значительной степени объясняется энергией Гитлера, настоль-

ко же ясно, что одно превосходство в вооружении ни в какой мере не могло обеспечить такой быстрой и решительной победы.

Самым важным, однако, было то, что тот маленький рейхсвер, на который многие в свое время смотрели сверху вниз, сумел спасти после поражения во время Первой мировой войны и оживить великие немецкие традиции в области обучения и вождения войск. Новая немецкая армия – детище этого рейхсвера – была, очевидно, единственной армией, сумевшей преодолеть вырождение войны в позиционную войну или, как выразился генерал Фуллер в отношении боевых действий в последний период Второй мировой войны, в «торговлю железом». Германской армии удалось с помощью новых средств борьбы снова овладеть подлинным искусством ведения маневренной войны. Самостоятельность, не предоставлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии – вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, – вот в чем состоял секрет успеха. А это наследство опять-таки сохранил и передал дальше рейхсвер. Новая армия с честью выдержала свое первое испытание. Командование сухопутных сил еще могло действовать без чужого вмешательства. Командующие еще имели в своих руках всю полноту власти. Войска еще могли проводить операции чисто военного характера, и поэтому они еще носили благородный характер».

Во-первых, как следует из начала цитаты, и Манштейн да-

же через много лет после войны не рискует сделать вывод о том, что немцы, начиная ее, хотя бы мечтали провести ее молниеносно (сам термин появился уже после войны). И даже много лет спустя после войны Манштейн путается в догадках, что вызвало эту молниеносность? Манштейн представил «инструментов блицкрига» больше, чем сумел накопить в носу А. Исаев, и они другие.

1. Отсутствие второго фронта.
2. Бездарность польских генералов.
3. Гений Гитлера в оснащении войск новой техникой (танки и самолеты).
4. Мужество немецких солдат.
5. Мастерство немецких генералов.
6. Самостоятельность немецкого командного состава в деле управления войсками.

Отдадим должное – Манштейн специально оговаривает, что само по себе превосходство в силах и технике не могло привести к такому результату войны. Да и остальные перечисленные Манштейном факторы победы, безусловно, имеют место быть, но сами по себе они уж очень сомнительны в случае объяснения ими молниеносности войны.

Отсутствие реального второго фронта никак не помогло немцам в войне с СССР, бездарность советских генералов – тоже, в мужестве немецких солдат накануне польской кампании обоснованно сомневались, как вы видели выше, достаточно компетентные немецкие генералы и даже считали

его ниже, чем накануне Первой мировой войны. Мастерству немецких генералов и их самостоятельности нужно отдать должное, и я это сделаю, но ведь их мастерство и их самостоятельность сам Манштейн возводит к армии кайзера, однако кайзеровская армия проиграла Первую мировую войну, несмотря на эти качества.

Этот набор факторов никак не объясняет и последующие молниеносные кампании Германии, скажем, победу Германии над Францией за 39 дней боев. Никакими вторыми фронтами, превосходством оружия и техники (которых на самом деле не было) или искусством немецких генералов не объяснить, почему Франция в Первую мировую воевала 4 года и, потеряв убитыми миллион солдат, победила, и почему она в 1940 году, потеряв всего 100 тысяч солдат, сдалась.

Из этих размышлений Манштейна следует, что и он даже через много лет после войны по-настоящему не понял, что же произошло, — в чем были причины молниеносности немецких побед в войнах (кампаниях) начала Второй мировой войны? И в объяснении Манштейн дает стандартный набор причин, который годится для любой войны, в том числе и позиционной, но никак не объясняет причин молниеносности войны.

Как видим, молниеносность войны упала на немецких генералов, как снег на голову, и дать ей объяснения они просто не могут. И не только немецкие генералы.

С начала Второй мировой войны и до 22 июня 1941 года

у немцев все войны были молниеносными, и, казалось бы, в тот момент у военных профессионалов не должно уже было быть проблем предсказать итог любой новой войны, начатой немцами. Но британский разведчик и историк Лен Дейтон свидетельствует: *«Как только стало известно о начале операции «Барбаросса», практически все до одного военные специалисты предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты рассчитали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпали такими же неточными прогнозами: фельдмаршал сэра Джон Дилл, начальник Имперского генерального штаба, дал Красной Армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней.*

Прорицатели могли смело запечатывать конверты со своими предсказаниями скорой победы вермахта: Польша была завоевана за 27 дней, Дания – за 24 часа, Норвегия – за 23 дня, Голландия – за 5, Бельгия – за 18, Франция – за 39, Югославия – за 12, Греция – за 21 день и Крит за 11. С другой стороны, Красной Армии потребовалось больше трех месяцев, чтобы разгромить финнов. Разве этих цифр было недостаточно для того, чтобы подсчитать, что Гитлер будет в Москве задолго до Рождества?»

Не лучше выглядит и Гитлер, вот свидетельствует ми-

нистр вооружений нацистской Германии Альберт Шпеер (время подслушанного им разговора – июнь 1940 года): *«Гитлер прогуливался перед своим домом по усыпанной гравием дорожке с Йодлем и Кейтелем, когда адъютант доложил ему, что я хотел бы попрощаться. Меня велели позвать, и, приблизившись к этой группе, я услышал, как Гитлер, в продолжение разговора, произнес: «Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте моему слову, Кейтель, русский поход по сравнению с этим всего лишь штабная игра». В отличном настроении Гитлер попрощался со мной, передал сердечные приветы моей жене и посулил в самом непродолжительном времени приступить к обсуждению со мной новых планов и макетов».*

Германия не только не победила Советский Союз к Рождеству 1941 года, но и, потеряв семь из каждых своих восьми дивизий на Восточном фронте, вынуждена была сдаться на милость СССР.

Как видите, никто из британских, американских и немецких генералов и аналитиков не увидел полного отсутствия факторов молниеносности в предстоящей войне Германии и СССР! Так чего стоят в вопросе того, что такое молниеносная война, разъяснения генералов и военных специалистов? Есть легкомысленная поговорка, что даже с самой красивой женщины нельзя снять больше, чем с нее можно снять, и в нашем случае даже с самого выдающегося генерала нельзя получить объяснений больше, чем он может дать.

Забегая вперед отмечу: отсюда следует, что молниеносность войны – это не уровень генералов, их уровень – это победа в сражении, а победа в войне – это вопрос более высокого уровня. Что, в общем, понятно и относится к любой войне – и молниеносной, и затяжной. Разумеется, принципы побед в сражениях, разработанные немецкими генералами, это очень важно, и это будет рассмотрено, но еще раз подчеркну – сражения сражениями, а война войной. Англичане говорят, что могут проиграть все сражения войны, кроме последнего, вот и немцы во Второй мировой выиграли все сражения, кроме последнего, но вина в этом лежит не на немецких солдатах и генералах – они были так же хороши и даже лучше, чем тогда, когда они выигрывали сражения.

Подытожив, следует сделать вывод, что вот эта плохо скрытая растерянность политиков и генералов при виде молниеносности начала Второй мировой говорит о том, что в дело войны вмешалась сила, которая ими совершенно не была учтена. И, добавлю, на сегодня не учитывается, по меньшей мере, масса тех, кто интересуется войнами.

Ответственность народа за все и всех

Было время, когда территории всех стран заселяли люди, не имеющие никакого отношения к войне и армиям. Но этих людей периодически грабили, уводили в рабство и даже иногда убивали. Чтобы этого избежать, люди платили дань (налог) королю, царю, князю или еще какому бандиту, которые на эту дань нанимали профессиональных воинов и защищали тех, кто им платил дань – своих подданных. При этом время от времени, из алчности или чтобы не забыть ремесло, эти монархи сами пытались ограбить тех, кто им дань не платил, – подданных иных монархов. Но даже если своему монарху и не сиделось на месте и он шел войной на соседа, то его народ в этом не был виноват (хотя за это расплачивался).

И до второй половины XIX века было именно такое разделение труда: был народ – нонкомбатанты, которому в принципе было все равно, кому платить дань, и были профессионалы войны – монархи, генералы, офицеры и солдаты – комбатанты, которые и воевали. Война была вне народа, народ, правда, ее оплачивал порою своим разорением, но ни на подготовку и дух армии своего монарха, ни на объявление войны, ни на протекание военных действий никакого влияния народ не оказывал.

Для того времени выработались принципы побед в таких войнах, а для каждого периода развития техники и техноло-

гии (развития средств ведения войны) вырабатывались оперативное мастерство и тактика.

Тем не менее и как ни странно, но и сегодня масса исследователей смотрит на войну так, как будто мир еще состоит из монархов со своими дружинами и из их подданных, не имеющих отношения к войне. Но ведь это уже давно не так.

Со второй половины XIX века во всех основных государствах мира в той или иной степени была введена всеобщая воинская повинность, сделавшая народ и армию одним целым. Одновременно настолько возросла сложность оружия, его количество и стоимость, что и в экономическом смысле народ и армия объединились, поскольку армия без непрерывного снабжения из тыла немедленно становилась небоеспособной. Таким образом, тыл с его как бы мирным населением тоже стал воюющей стороной, тоже стал комбатантом и, само собой, объектом военных действий – объектом уничтожения.

Но и это не все. С начала прошлого века практически исчезли суверенные монархи, формально власть перешла неким людям, которые в той или иной степени избираются всем народом. Таким образом, вина за агрессию и последствия войны тоже фактически легла на весь народ, поскольку он избрал этих людей. Заметим, что на сегодня наиболее устрашающее оружие – ядерное – как раз и предназначено в своей массе всему народу, поскольку эффективность применения его против собственно вооруженных сил противника

весьма сомнительна.

Таким образом, сегодня в народе, точнее, в его государстве, объединились все аспекты силы, присущие архаической армии, – и правовые, и моральные, и технические. С начала XX века, особенно в мировых войнах, все эти аспекты поднялись на ступень. Теперь не армия выигрывает войны, а государства, теперь важна моральная стойкость не только войск, но и всего народа, теперь важно мастерство не только офицеров, но и всех руководителей в государстве, включая мастерство какого-нибудь руководителя сельскохозяйственного предприятия или маленького городка. И теперь важны не только талант и искусство генералов, но в первую очередь талант и искусство руководителей государства.

В реальном сражении талант и искусство командиров дивизий становятся бесполезными, если всей армией командует дурак или предатель, точно так же и в современной войне бесполезны таланты генералов, если во главе государства дураки или предатели. Разумеется, поднимается и слава – теперь войны выигрывают не генералы, а главы правительств, генералам остается выиграть сражения (если дело доходит до сражений), отсюда, кстати, и некомпетентность генералов в вопросах победы во всей войне – привычные им мерки недостаточны для исследования ими этого вопроса.

Переходит ли война в стадию военного противоборства или нет, но все сражения этой войны или все ее перипетии (как правило, комплекс мер политического и пропагандист-

ского давления на противника) удобно представлять одним сражением или одним действием. Удобно для того, чтобы использовать для анализа этой войны принципы победы в войне, выработанные в эпоху архаичных войн, – использовать те войны в качестве аналогии, в качестве модели для настоящих войн.

Положение исследователя принципов молниеносной войны усложняется органической подлостью существующих форм демократии, дающих возможность истинным руководителям государств оставаться в тени и предоставлять формальной власти – президентам, премьер-министрам и депутатам – принимать на себя всю славу или позор последствий их правления.

На ранних этапах развития демократии во власть еще могли попасть лица, мало зависящие от денежных мешков и владельцев СМИ и искренне защищающие интересы своего народа, – лица, которых в той или иной мере можно считать самостоятельными. Но даже такие руководители государств очень часто преследовали не только интересы своего народа, как они эти интересы видели, но и интересы этих, остающихся за кулисами сил. Делали это либо потому, что считали интересы этих сил совпадающими с интересами своего народа, либо потому, что считали эти силы союзными народу, либо просто не видели возможности сопротивления этим силам. Я так уверенно об этом пишу, потому что выбор мотивов даже в случае самостоятельного руководителя не очень

велик. Мотивы же того, почему формальные руководители государства служат не народу, а тому, кто протолкнул их к формальной власти, еще проще – «долг платежом красен», «кто платит за ужин, тот и девушку танцует».

Теперь надо перейти к целям войны.

Начало войны

Война как противоборство вооруженных сил, «архаическая война» – дело старое, и никакие совершенствования оружия и тактики боя не меняют принципов победы, а их еще в XIX веке довольно дотошно, хотя и с обычным для немца академизмом, описал Карл фон Клаузевиц (1780—1831) в своем объемном труде «О войне». Вообще-то раньше (когда народ больше читал и меньше смотрел) щегольнуть цитатой из Клаузевица было хорошим тоном для любого высокопоставленного военного или пишущего о войне, и надо сказать, что доля справедливости по отношению к Клаузевицу здесь есть – в вопросах осмысления архаической войны с ним трудно поставить рядом еще кого-нибудь. Но, возможно, из-за объемности его труда (да еще и не законченного им и изданного его женой уже после смерти автора) мало кто, по моим наблюдениям, пытается вникнуть в принципиальные положения о войне, скажем, в текст первой главы «Природа войны» (все очень торопятся прочесть «конкретные» советы, как войну выиграть).

Так вот, Клаузевиц ввел в обиход политиков выражение: *«Война есть не что иное, как продолжение политики с привлечением иных средств»*. Выражение очень модное до сих пор, хотя, по моему мнению, абсолютно не понимаемое. Не вдаваясь в подробности того, что такое политика вообще,

суммируем определение так: в данном случае политика – это комплекс действий, которыми некий монарх или избранное народом правительство хотят достичь неких целей по отношению к другому государству. Разумеется, первоначально они хотят достичь этих целей невоенными средствами, и только тогда, когда у них это не получается, начинают войну – продолжают свою политику.

Это выражение сомнительно уже для эпохи архаичных войн, а сегодня оно вообще вводит в заблуждение, поскольку началом войны считает начало собственно боевых действий вооруженных сил. А как же политика? Нет, начало боевых действий – это не начало войны (не начало политики), а всего лишь начало вооруженного противостояния, которое само по себе имеет целью не цели войны, а обезвреживание вооруженных сил противника. А цели войны должна достигнуть сама война (сама политика), посему и началом войны следует считать момент, когда какое-либо государство сформирует претензии к другому государству и начнет политику по достижению этих своих целей. Во времена Клаузевица, с теми средствами связи и средств массовой информации, этой особенностью не было видно, но сейчас как это не заметить?

А ведь это очень важно. Если не принимать меры обороны немедленно с началом враждебной политики, то можно непоправимо опоздать либо понести огромные потери тогда, когда война перейдет в стадию противоборства воору-

женных сил. Особо жестоко страдают те, кто вместо начала обороны продолжает считать агрессора своим другом, хотя агрессор редко способен скрыть свою сущность. Разумеется, сила государства имеет огромное значение (об этом позже), но время начала обороны также имеет огромное значение. Возьмите примеры современной истории. Что дало Югославии, Ираку, Афганистану или Ливии то, что эти страны рассматривали своего будущего агрессора в качестве светоча цивилизации и друга? Между тем Куба и Корейская Народно-Демократическая Республика никогда не стеснялись называть агрессивных уродов агрессорами. Эти страны, несмотря на свою физическую слабость, постоянно готовы встретить агрессора вооруженной рукой, посему сохраняют свой суверенитет и ограждают себя от ограбления до сих пор. Как агрессоры и ни щелкают зубами.

Цели войны

Что касается истинных целей войны, то они всегда экономические, а разделяются в зависимости от роли, назначенной данному государству, – государство начинает войну либо с целью ограбить жертву, либо с целью прекратить или предотвратить ограбление.

Правда, слово «ограбление» уже не описывает ситуацию, поскольку его значение явно связывается с откровенным отъемом имущества под угрозой применения силы. Между тем арсенал отъема имущества настолько пополнился новыми средствами, что даже Гитлер по окончании войны не собирался пользоваться грабежом оккупированных территорий СССР в чистом виде, а сегодня даже агрессоры чистый грабеж объявляют преступлением. Сегодня грабеж уже надежно замаскирован различными «экономическими формами», начиная от предоставления кредитов и инвестиций, заканчивая «добровольной» передачей предприятий от своих «неэффективных» руководителей «эффективным» руководителям агрессора.

Или вот такой, внешне как бы никак не связанный с грабежом аспект, как внедрение в независимое государство своей валюты. Смысл денег – то, для чего они предназначаются, – обмен товаров. Но деньги и сами по себе являются товаром, причем необычайно выгодным для того, кто их эмитирует

(печатает). Дело в том, что банки, торгуя деньгами (давая их в кредит), берут только часть стоимости этого товара в виде процентов, скажем, 10 %. Но тот, кто печатает деньги, давая их в кредит, берет, кроме процентов, и всю стоимость денег в виде других реальных товаров. Производство 100-долларовой купюры стоит всего 3 цента; давая ее в кредит для обеспечения мирового товарооборота, США сразу же имеют 3 300 000 % прибыли только от запуска в обращение самой купюры, а затем 30 000 % в год от оборота этой купюры в качестве заемных средств, даже при минимальных процентных ставках за кредит.

Поэтому США, обеспечивающие мировой рынок деньгами, как никто, заинтересованы в мировой торговле и отсутствии монополии на внешнюю торговлю у кого-либо, поскольку страны с монополией на внешнюю торговлю ведут на мировом рынке товарообмен либо при помощи своих денег, либо вообще без них и поэтому в долларах не нуждаются.

Без этого трудно понять, к примеру, почему после терактов 11 сентября США назначили в «ось зла» Ирак, Кубу и КНДР. Ведь эти страны никогда и никаких терактов против США не совершали. Но зато это страны с монополией на внешнюю торговлю и их правительства мешают продавать на рынках своих стран самый выгодный товар из США – доллары.

А ведь благодаря этому своему товару в США практически сворачивается производство реальных товаров: машин,

техники, приборов, тканей и т. д. Металлургия США дошла до такого низкого уровня, что даже такое ценнейшее для нее сырье, как металлолом от разборки развалин небоскребов, было продано в Китай. США сегодня – это даже не столько мировой банкир, сколько мировой паразит.

Как видите, эмиссия денег – это очень выгодный бизнес, поэтому ни один хозяин (экономист) никогда не отдаст его в чужие руки, т. е. никогда не впустит в свою страну чужие деньги для осуществления с их помощью оборота своих товаров. И, кстати, это достаточный повод к войне той страны, которая грабит окружающих своей валютой.

Таким образом, понятия «рабство» и «колониальная зависимость» для целей войны вроде и точные по существу, но годятся только для пропаганды. И хотя нынешние рабы по-прежнему алчут только хлеба и зрелищ, но и они уже далеко не те, что в Древнем Риме, а современные колонии, соответственно, далеко не те, что колониальная Индия.

Поэтому, чтобы не входить в споры по определениям целей войны, опишу их как можно более обще – агрессор имеет целью изменить существующий порядок вещей в стране-жертве. Такое определение цели включает в себя все возможные варианты любых целей.

Сила государства

Вряд ли кто-то будет сильно возражать, если применительно к войне я общую силу государства разложу на три составляющие силы – силу ее армии, силу экономики (хозяйства государства) и моральную силу народа. Хочу обратить ваше внимание на то, что я дал силы в порядке нарастания их значения. Сила армии – на последнем месте, силы экономики – на втором.

Все же оружие есть оружие, при современном развитии оружия и боевой техники уже невозможно обойтись палкой или камнем, а это оружие дает экономика. Хорошо, если есть союзники, которые что-то из оружия поставят, а если их нет? Тогда свое народное хозяйство должно стать спасителем армии и страны. Правда, сила народного хозяйства как таковая не зависит от войны – сильная экономика и в мирное время сильна. Часть ее производит оружие, боевую технику, боеприпасы и в мирное время, а во время войны это производство возрастает за счет сокращения мирной продукции. Скажем так – экономическая сила государства важна при любом виде войны и напрямую с молниеносностью войны не связана. Поэтому я не стану эту силу рассматривать.

И, наконец, огромное, ничем не заменяемое и никак не импортируемое значение имеет моральная сила народа, поэтому я и ставлю ее на первое место. Собственно, на мораль-

ной силе народа базируются первые, явно «военные» силы.

Возьмите Вьетнамскую войну, в которой США признали свое поражение, хотя их военные и экономические силы и эти же силы Вьетнама были просто несопоставимы, какой бы ни была помощь оружием из СССР. И в данном случае дело не в слабости моральных сил США с их антивоенным движением, я уверен, что это движение тайно стимулировалось правительством США для того, чтобы иметь хоть какой-то повод закончить войну. Ведь за 20 лет до этого война с неизмеримо более сильными Японией и Германией не вызвала в США антивоенного маразма. Да, разумеется, во Второй мировой войне США выглядели жертвой агрессии, поскольку это на США напала Япония и это Германия объявила войну США. Но ведь и во Вьетнамской войне формально не США были активной стороной войны, а Северный Вьетнам, а США формально всего лишь помогали жертве – Южному Вьетнаму. Тем не менее в 40-х годах не было многотысячных демонстраций с речевками «Рузвельт, Рузвельт, гей-гей, сколько ты убил детей?!», хотя авиация США в Гамбурге и Дрездене, Хиросиме и Нагасаки убила немецких и японских детей немерено.

Остается признать, что причиной поражения США во Вьетнамской войне были моральные силы вьетнамцев, которые в явном виде проявились в отсутствии во Вьетнаме предателей в количестве, достаточном для подчинения Вьетнама воле США (сами по себе предатели были, но их было от-

носителем мало). Ведь как подчинить себе народ без предателей из этого народа? Не будет же оккупант всю жизнь сидеть в укрепленных лагерях на территории этой страны, боясь из них высунуть нос? США оставалось либо физически уничтожить всех вьетнамцев и заселить территорию американцами или какими-нибудь лояльными неграми, либо признать поражение и уйти. Первый путь был невозможен, остался второй, им США и воспользовались.

Сейчас в мире такие государственные деятели, которые сами не понимают, что происходит, а со времен Второй мировой войны воспоминания из руководителей действительно крупных держав о ней написал только один действовавший тогда глава государства – Уинстон Черчилль. Вопрос моральных сил – вопрос очень деликатный, даже настоящие политики о нем стараются не говорить, чтобы не обидеть свой народ и не навредить себе этим на будущих выборах – не подорвать этим свою популярность. Тем не менее Черчилль вскользь вынужден задеть и его, когда ему надо хоть чем-то объяснить молниеносность разворачивающихся событий Второй мировой войны.

Молниеносным этапом Второй мировой следует считать ее период с 1 сентября 1939 года по, пожалуй, конец 1941 года на Востоке и конец 1942 года на Западе. В этот период немцы захватили Норвегию, лишь на несколько часов опередив англичан и французов, то есть фактически отбив ее у них. Причем силы англо-французов были превосходящи-

ми – под Нарвиком, к примеру, в четыре раза. Черчиллю это поражение нужно было как-то объяснить. В его цитатах выделяю значащие для данной темы моменты.

*«Нас, которые имели превосходство на море и могли высадиться в любом месте на незащищенном побережье, превзошел противник, преодолевавший по суше большие расстояния, невзирая ни на какие препятствия. В этой норвежской схватке наши превосходные войска – шотландская и ирландская гвардия – были **разбиты гитлеровской молодежью благодаря ее энергии, инициативе** и военной подготовке.*

Повинуясь долгу, мы, не щадя сил, старались закрепить-ся в Норвегии.

Мы считали, что судьба очень жестоко обошлась с нами. Теперь мы видим, что дело было вовсе не в этом. А пока нам оставалось утешаться лишь рядом успешных эвакуаций. Неудача в Тронхейме! Тупик в Нарвике! Таковы были в первую неделю мая единственные результаты, которые могли видеть английский народ, наши союзники и весь нейтральный – дружественный и враждебный – мир.

*...Нападением Гитлера на Норвегию закончились «сумерки войны». Она разгорелась ослепительным пламенем такого страшного военного взрыва, какого еще не знало человечество. Я охарактеризовал **состояние транса**, в котором пребывали восемь месяцев Франция и Англия, когда весь мир недоумевал. Эта фаза оказалась **самой вредной** для союз-*

ников. *Моральное состояние Франции, ее солдат и народа стало теперь, в мае, определенно хуже, чем в начале войны.*

...Невозмутимый, искренний, но косный характер правительства не мог вызвать тех энергичных усилий ни в правительственных кругах, ни на военных заводах, которые были жизненной необходимостью. Нужен был удар катастрофы и приближение опасности, чтобы дремлющие силы английского народа пробудились».

Как видите, Черчилль в данном случае не стал «пудрить мозги» читателям «войной моторов» или пресловутыми «танковыми клиньями» танковых дивизий совершенной организации, которых, правда, в Норвегии просто не было.

Итак, займемся рассмотрением составляющих сил государства.

Глава 2

Моральная сила

Моральная сила и деморализация противника

Если армией считать весь народ, все государство (а именно так и надо считать), то тогда, с точки зрения принципов победы, архаические войны (одними армиями) можно считать моделями современных войн. И вот к чему в этом плане пришел уже упомянутый мною К. Клаузевиц.

Он писал, что для победы в войне совершенно недостаточно иметь материальный перевес (хотя он очень важен). Если бы дело было в нем, то войн никогда бы не было, поскольку враждующие стороны могли бы подсчитать, сколько у кого людей, пушек и снарядов и объявить победителя, так сказать, по очкам. Но войны идут вне зависимости от материальной силы сторон, и это объясняется тем, что на победу сильнейшее влияние оказывают еще два фактора – моральная стойкость и случай. Правда, второй фактор без первого не существует, поскольку для того, чтобы рискнуть и воспользоваться случаем, нужно быть морально стойким – смелым и храбрым.

Клаузевиц совершенно точно определил, что у собственно войны всего одно средство победы – бой, но из-за морального фактора на те принципы, которыми достигается военная победа, нужно смотреть шире, и цель боя может быть достигнута без боя, к примеру, самой угрозой нанести морально нестойкому противнику поражение (выделено Клаузевицем):

«Цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведающиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

*Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т. е. не заключало в себе **внутреннего противоречия** с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать **возможность** такого хода войны».*

Моральные силы противника – это такая же сила, как и его материальная сила, и уже во времена архаичных войн нужно было быть не государственным деятелем, а дебилом или пре-

дателем, чтобы не принимать мер к уничтожению моральной силы противника и сохранению своей. И вот почему.

«Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, — мы это настойчиво подчеркиваем, — нас ничто не обязывает ограничить это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно, легче всего распространяется по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил являются его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только избирая себе иные пути».

Здесь Клаузевиц затронул вопрос разрушающего влияния на мораль первого поражения свой армии. Обычно ветераны не распространяются о своей деморализации, я могу привести только одно воспоминание солдата, кстати, писавшего во время самой войны и погибшего в ней. Участник трагической для Франции войны 1940 года, летчик-разведчик, Антуан де Сент-Экзюпери, пусть и несколько художественно, но достаточно полно выразил, что происходит в душе солда-

та при поражении:

«...когда начинается разгром, всякая работа прекращается. На первый взгляд может показаться, что побежденного захлестывает поток возникающих проблем, что, силась разрешить их, он не щадит ни своей пехоты, ни артиллерии, ни танков, ни самолетов... Но поражение прежде всего на чисто снимает все проблемы. Все карты смеиваются. Непонятно, что делать с самолетами, с танками...

Царит не подъем, а растерянность. Подъем сопутствует только победе. Победа цементирует, победа строит. И каждый, не щадя сил, носит камни для ее здания. А поражение погружает людей в атмосферу растерянности, уныния, а главное – бессмыслицы.

Потому что прежде всего они просто бессмысленны, эти наши задания. С каждым днем все более бессмысленны. Все более губительны и все более бессмысленны. У тех, кто отдает приказы, нет иного средства задержать лавину, как только бросить на стол свои последние козыри.

Но меня поражает как раз обратное. Меня поражает та безграничная готовность, с которой мы зажмуриваем глаза и затыкаем уши. Поражает наша безнадежная борьба против очевидности. Все уже потеряло смысл – а мы упрямо взрываем мосты, чтобы продолжать игру. Мы сжигаем настоящие деревни, чтобы продолжать игру. И, чтобы продолжать игру, умирают наши солдаты.

Разумеется, кое-что и забывают! Забывают взорвать

мост, забывают поджечь деревню, порою щадят жизнь солдат. Но трагизм этого разгрома в том, что он лишает действия всякого смысла. Солдат, взрывающий мост, не может не испытывать отвращения. Этот солдат не задерживает врага: он превращает мост в груды развалин, и только. Он калечит свою родину, лишь бы получилась удачная карикатура на войну!

Действовать с воодушевлением можно только тогда, когда действия имеют очевидный смысл. Не жаль спалить урожай, если под его пеплом будет погребен враг. Но врагу, который опирается на свои сто шестьдесят дивизий, плевать на наши пожары и на гибель наших солдат.

Нужно, чтобы то, ради чего сжигают деревню, стоило самой деревни. Но теперь значение сожженной деревни стало лишь карикатурой на значение.

Нужно, чтобы то, ради чего умираешь, стоило самой смерти...

Объединяет одна лишь победа. Поражение не только разобщает людей, но и приводит человека в разлад с самим собою. Если беглецы не оплакивают гибнущую Францию, то именно потому, что они побеждены. Потому, что Франция побеждена не вокруг них, а в них самих.

Поражение раскалывает. Поражение разрушает построенное единство».

Возвращаясь к мысли, что хотя победа в битве так дорога и так желательна, Клаузевиц указывает: «Что средство это

дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Опасность этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, обратится в случае неудачи против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны», – пишет Клаузевиц, склоняя читателя к мысли о выгоде уничтожения не физических, а моральных сил противника. Это гораздо выгоднее и гораздо безопаснее, нежели достижение победы в войне единственным имеющимся у войны средством – боем. Деморализация противника – вот ключ к успеху!

(Я понимаю, что у читателей при выводе об уничтожении государства без войны сразу же приходит на ум СССР. И правильно приходит – это классический пример победы в войне. Болтовня о «демократических преобразованиях» в СССР – это болтовня «в пользу бедных». Умом. Был враг – НАТО, этот враг теперь хвастается своей победой, а на территории бывшего СССР установлены выгодные этому врагу порядки, кстати, те порядки, которые и хотел установить на территории СССР Гитлер, пытавшийся это сделать в ходе Второй мировой войны.)

И несмотря на эту очевидность главенствования мораль-

ных сил и по сей день, описывая войны и видя, что в ходе этих войн вооруженные силы противников практически не участвовали, аналитики жуют и жуют вопрос только соотношения материальных сил. Вспомните освещение побед США в последних войнах всеми комментаторами – и проамериканскими, и антиамериканскими. Как только на такого аналитика наведут объектив телекамеры или пообещают место на страницах печатных СМИ, он немедленно начинает выдавать «важные» подробности, якобы «определившие» победу США. А именно: численность войск и союзников, численность и качество оружия и т. д. и т. п. – все то, что, возможно, и определило бы победу войск США, если бы они действительно воевали силами армии, авиации и флота. Но ведь одержав военные победы над Сербией, Афганистаном и Ираком, США не воевали! Некую боевую активность проявляла авиация, да и то, если была гарантия проведения боевого вылета без боя, т. е. в условиях подавленной ПВО противника. Не воевали, но военные победы одержали! Что именно уничтожили США у своих жертв в этих войнах, чтобы одержать победу в войне? Методом исключения остаются моральные силы.

И вот тут возникают два вопроса: чем уничтожили и было ли что уничтожать? Начнем с первого.

Гитлер как ученик англосаксов

А. Гитлер, глава Германии тех времен, убийственную роль подрыва моральных сил народа пропагандой испытал на собственной шкуре, когда был солдатом Первой мировой войны. А после войны, в 1924 г., он говорил, что не только ему, но и тем, кто пытался понять суть происходящего, только во время Второй мировой войны стало понятно, какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. Причем в качестве примера Гитлер брал не немецкую пропаганду, которую ругал за глупость, а пропаганду противников Германии – Великобритании и США.

Гитлер сделал пропаганду мощнейшим родом войск. К сожалению, его труды в СССР были под запретом, под запретом они и сегодня, и поэтому неудивительно, что и историки, чем больше времени проходит после войны, тем меньше акцентируют внимание на пропаганде и тем больше страниц посвящают технике, оружию и т. д. А в ходе Второй мировой войны и сразу после нее мощь этого рода войск Германии настолько била в глаза, что рассмотрению немецкой пропаганды место уделяли все – от публициста Андре Моруа до упомянутого английского военного теоретика Д. Фуллера.

Фуллер о важности пропаганды пишет уже в первой главе: «К несчастью для Британии и Франции, Германия в 1933 г. подпала под влияние человека с весьма определенными по-

литикой и планами, человека, соединявшего в себе качества реалиста, идеалиста и провидца, который для одних был просто Гитлером, а для других самым богом.

«Кто говорит, что я собираюсь начать войну, как сделали эти дураки в 1914 году, — кричал Гитлер. — Разве все наши усилия не направлены к тому, чтобы избежать этого? Люди в большинстве своем совсем лишены воображения... Они слепы к новому, к незнакомым вещам. Даже мысль генералов бесплодна. Они барахтаются в паутине технических знаний. Созидающий гений всегда выше круга специалистов».

Еще в 1926 г., когда Гитлер только писал второй том «Mein Kampf», он полностью отдавал себе отчет в том, что в грядущей войне «моторизация» будет «преобладать и сыграет решающую роль». Он верил в доктрину абсолютной войны Клаузевица и в стратегию сокрушения. Он считал войну орудием политики, а так как его политическая цель «заключалась в захвате Lebensraum (жизненного пространства) для немцев, то Гитлер соответствующим образом разрабатывал тактические планы. Целью Гитлера было в кратчайший срок при минимальном ущербе для материальных ценностей сломить волю противника к борьбе. Его тактика основывалась на использовании пропагандистского наступления и последующего молниеносного удара. Гитлер пересмотрел теорию Дуэ с точки зрения последовательности действий: нужно подорвать моральное состояние мирного населения противника до, а не после начала во-

енных действий, не физически, а интеллектуально. Гитлер говорил: «Что такое война, как не использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданностей?.. Есть более глубокая стратегия – война интеллектуальным оружием... Зачем мне деморализовать его (противника) военными средствами, когда я могу достичь того же самого лучше и дешевле другими путями».

Из приводимой ниже цитаты из книги Раузинга видна суть теории Гитлера: «Место артиллерийской подготовки перед атакой пехоты в позиционной войне в будущем займет революционная пропаганда, которая сломит врага психологически, прежде чем вообще вступят в действие армии. Население вражеской страны должно быть деморализовано, готово капитулировать, ввергнуто в состояние пассивности, прежде чем зайдет речь о военных действиях.

Мы будем иметь друзей, которые помогут нам во всех вражеских государствах. Мы сумеем заполучить таких друзей. Смятение в умах, противоречивость чувств, нерешительность, паника – вот наше оружие...

Через несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехословакия лишатся своих руководителей. Армия останется без генерального штаба. Все политические деятели будут устранены с пути. Возникнет паника, не поддающаяся описанию. Но я к этому времени уже буду иметь прочную связь с людьми, которые сформируют новое правительство, устраивающее меня».

Как видите, Гитлер действовал так, как и предлагал Клаузевиц, — он сначала добивался паники у противника и, подчеркну, добивался ее еще в МИРНОЕ время, а уж потом наносил удар.

Но Фуллер считает, что Гитлер базировал свои идеи на доктрине абсолютной войны Клаузевица, а я в этом сильно сомневаюсь. Сомневаюсь, что собрался бы выиграть за 8 недель войну с СССР тот, кто понял в первой главе книги Клаузевица раздел 8 *«Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени»*. А в этом разделе, в частности, Клаузевиц предупреждает стратегов: *«В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил»*. А Гитлер собирался войну с СССР выиграть быстро, игнорируя то, что СССР приведет в действие те силы, которые не смог задействовать с начала войны.

Правда, дело не только в том, что Гитлер невнимательно читал Клаузевица, но об этом в свое время.

Способы уничтожения моральных сил противника

Тем не менее, как видите, немцы прекрасно понимали, что противника дешевле и более безопасно разгромить морально, нежели на поле боя, в связи с чем сделали пропаганду главным родом войск. А поскольку ложь и коварство для обмана противника естественны в любой войне, то коварство и ложь для немцев были естественны и в военной пропаганде, хотя в данном случае это не столь важно, поскольку, повторяю, естественно.

Что имеется в виду под моральными силами и деморализацией?

Принятое определение морали – добровольно принятые в обществе традиции норм поведения, защищающие представления общества о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле. Конкретных норм поведения может быть много, и они для разных обществ могут быть разными, но если общество существует, то в нем в основе морали обязательно лежит долг перед обществом – обязанность защищать его. В основе долга лежит стремление людей обеспечить будущее своих детей, и долг обществу – это, по сути, долг потомкам. В основе долга лежат требования морали быть честным и совестливым. Интересно, что у древних персов главным качеством воина была не сила или храбрость,

а честность. Честность не даст отказаться от долга, а при отказе от долга сила и храбрость воина становятся бесполезными.

Это мораль взрослых людей, детям она не присуща, и ее у них нужно воспитывать, а у животных если и есть зачатки морали, то основаны они на инстинктах, а не на интеллектуальном осознании необходимости морали. Соответственно, в сильном обществе считаются злом подлость и трусость, бессовестность и уклонение от исполнения долга.

Но, подчеркну, долг – это **ДОБРОВОЛЬНО** принятая норма поведения, как и все нормы морали. Соответственно, человек может и отказаться от долга. Вот этот отказ от исполнения долга и есть **ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ** противника.

Что еще требуется уточнить. В основе долга обществу лежит стремление людей обеспечить будущее своих детей, и долг обществу – это, по сути, долг потомкам. Долг **ПОТОМКАМ!** Общим потомкам – потомкам всех граждан общества. Только им и никому иному. Поскольку в данном случае легко делается подмена и долг обществу подменяется долгом правительству, долгом партии, долгом мировому коммунистическому движению, долгом демократии или идеалам свободы. Внушите хотя бы части граждан данной страны, что в этом заключается их долг, и вы граждан страны разделите сами или с «доброжелательной иностранной помощью» – вы сами создадите (или вам создадут) «пятую колонну».

Ведь в истории даже нашего народа все это было. Были

люди, считавшие своим долгом служить Мировой революции, и эти троцкисты были самые яростные враги СССР. В то же время нацисты были морально необычайно сильны именно потому, что практически весь немецкий народ считал своим долгом службу нации, немцы ведь и пошли войной на СССР, яростно и до конца сражаясь за «жизненное пространство» для немецкой нации – для своих потомков.

Если вот это понять, то снимаются недоуменные вопросы типа – а если правительство государства – это воры и они не служат потомкам, то как быть? Тогда ваш долг обществу – заменить это правительство, поскольку, безусловно, чтобы сплотить общество, члены правительства должны первыми служить обществу, служить потомкам.

Разумеется, все не просто и требует размышлений в каждом случае, недаром англичане говорят, что очень трудно понять, в чем заключается твой долг, а исполнить его гораздо легче. Ведь помимо ясного понимания того, что служить нужно будущим поколениям своего народа, есть еще и понимание путей того, как эту службу исполнить. Скажем, Гитлер, безусловно, самоотверженно служил немецкому народу (или своей славе, но славу свою он видел именно в этом служении). Однако путь служения – ограбить СССР – был выбран явно не лучший. Немцы с этим путем согласились, понеся бессмысленно огромные потери, в которых они, безусловно, сами виноваты. А надо бы им было хорошо подумать, в чем их долг, надо было десять раз отмерить, прежде

чем перепоясывать чресла мечом.

В отличие от людей, имеющих долг перед обществом, людям, имеющим долг только перед правительством или перед всем остальным набором долгов, думать не надо – начальство (прямое или идейное) решит, что делать или когда на митинги выходить. Кроме того, такой набор долгов позволяет в критический момент отказаться исполнять долг перед обществом, как это сделали генералитет и кадровое офицерство Советской Армии, у которых в 1991 году в момент не осталось никакого долга перед обществом СССР, зато появился долг свято служить начальству.

Следует сказать и о вождях, хотя это к теме войны прямо не относится. Люди неправильно понимают суть власти – они видят ее корни в начальниках. На самом деле основа власти – в подчиненном, и возникает то, что мы называем властью, только тогда, когда подчиненный начинает исполнять команды начальника. В 1917 году большевики и левые эсеры, заняв министерские кресла России, стали отдавать приказы. Но от этого у них реальной власти не появилось. Власть возникла только тогда, когда подавляющее большинство граждан России сочло полезным и нужным подчиниться большевикам и силой заставить подчиниться им и оставшихся граждан.

Надо понять, что пока вы не подчиняетесь никому, никто не имеет над вами власти, власть отсутствует, ее нет. Она возникает только тогда, когда вы начали подчиняться. В со-

здании власти главное лицо – подчиненный. Каким образом руководящий орган заставит подчиниться – это второй вопрос, но для власти главная составляющая – воля подчиненного. Соответственно, не требуется никаких государственных должностей для наличия власти, не требуется никаких мер насилия над подчиненными, скажем, таких, какие имеет господь бог, чтобы люди ему подчинялись.

Образный пример. Вы, в группе туристов, заблудились в тайге, и речь пошла о вашей жизни, но вот на вас наткнулся местный охотник, который не имеет над вами никакой официальной власти и даже не пробует применить к вам насилие. Но он скамандует: «Идите за мной!» – и все в вашей группе эту команду выполняют. Одни потому, что понимают, что раз охотник местный, то и дорогу знает, другие просто поверят, что он ее знает. Вот этот охотник и есть модель вождя.

Таким вождем был Сталин, который до мая 1941 года не занимал никаких государственных должностей, в партии был одним из пяти равных ему секретарей, и даже в Политбюро председательствовал В. Молотов. То есть Сталин не имел в своем распоряжении никаких мер насилия, чтобы подчинить людей себе. Вспомните, в момент, когда Сталин стал оформляться как вождь, органы насилия – госбезопасность – возглавлялись и были засорены тайными врагами Сталина. Причем Сталина тошнило от своего возвеличивания, он никогда не требовал, чтобы его величали вождем, не

требовал, чтобы ему подчинялись. Но народ СССР в своей массе считал полезным подчиняться именно Сталину, при этом одни понимали, почему это полезно, а другие – веря в это.

Гитлер был иным, он, во-первых, не видел себя вождем без занятия высшей государственной должности, то есть без получения прав насилия над теми, кто ему не подчинялся, посему сразу же стал канцлером Германии. Во-вторых, Гитлер и требовал, чтобы его считали единовластным вождем. По своей сути Гитлер был не вождем, а скорее диктатором, опирающимся не только на свои идеи и свой ум, а на насилие над не согласными с ним. Хотя его искренние сторонники, безусловно, верили в гений Гитлера и считали полезным подчиняться ему именно по этой причине, а не из страха перед ним.

Со времен архаичных войн способы деморализации противника известны, просты и понятны:

- внушить жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору. Поскольку этот способ воздействует на инстинкт самосохранения человека, то он действенен во все времена, причем чем более инфантильны люди, чем менее они охвачены человеческой моралью, чем больше они дети и животные, тем способ более действенен;

- разделить общество на части и эти части, если и будут

исполняя долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным – это известнейший принцип «разделяй и властвуй!»;

– склонить к отказу от исполнения долга перед обществом посулом материальных благ – игрой на алчности;

– подменой долга обществу долгом начальникам и различным идеям.

Гитлер, как увидели выше, открыто стремился опереться на «пятую колонну» в странах, намеченных в жертвы агрессии (думаю, что Гитлер был горд собой и был уверен, что превзошел в этом вопросе и Клаузевица, и своих учителей – англосаксов). Однако в действиях Гитлера по уничтожению моральных сил будущей жертвы не видно ничего, что можно было бы считать оригинальным, – все его действия в этом плане или известны, или очевидны. Единственно, он открыто заявил, что начинать борьбу за деморализацию будущего противника нужно задолго до войны, и это действительно так.

«Пятая колонна»

Немного о «пятой колонне». Я уже не раз писал, что раньше молодые и даже хорошо образованные люди не знали, что означает французское слово «минет», но зато все знали, что означают слова «пятая колонна». Сегодня все наоборот: мне не раз приходилось сталкиваться с достаточно образованными людьми, для которых слова «пятая колонна» – пустой звук. Этому термину дала жизнь гражданская война в Испании в 1936—1939 годах. В середине 30-х годов в Испании обычным парламентским путем победили левые партии и начали ряд социальных преобразований, в частности аграрную реформу. Капиталистическому (самоназвание – «свободному») миру это крайне не понравилось, и этот мир подбил на мятеж испанскую армию. Мятеж начался в испанском Марокко, затем мятежные войска высадились собственно в Испании и двинулись на Мадрид четырьмя колоннами. В это время сторонники мятежников в республиканском правительстве Испании и в его войсках подняли восстание против республики в поддержку мятежников. Командовавший мятежной армией генерал Франко назвал этих предателей республики своей пятой колонной. С тех пор этот термин прочно вошел в обиход для названия предателей внутри какой-либо страны или организации. Это не значит, что такого явления, как предательство и поддержка врага, до испанских

событий не было. Оно было всегда, просто Франко дал этому явлению принятый миром термин. (Правда, иногда «пятую колонну» называют «квислингами» по имени предателя норвежского народа, сторонника нацистов Квислинга, но испанское имя все же более употребительно.)

Разумеется, Гитлер использовал для «пятой колонны» этнических немцев, живущих в других странах, в этом, надо сказать, абсолютно не было ничего нового – немцы использовали этнических немцев России еще в Первую мировую войну.

А затем Гитлером в государстве-жертве использовались все, кто был недоволен существующей организацией общества, – тоже ничего нового. Если исключить из числа «пятой колонны» идейных революционеров, для которых неприемлем грабеж собственного народа, который они собираются осчастливить, то в ней останется ленивая и глупая часть населения. Та часть общества, у которой не хватает ни ума, ни работоспособности, чтобы достичь в обществе того материального положения, которое эта часть алчет. Та часть общества, которая достаточно подла, чтобы пренебречь интересами всего общества и попытаться достичь желаемого при оккупантах. Эта часть может действовать как самостоятельно, так и в составе различных революционных течений, поскольку открыто показать свою подлость и служить оккупантам только ради денег, не просто.

«Пятой колонной» вполне могут быть национальные и

меньшинство, и большинство, алчущие денег и славы под соусом национального освобождения или освобождения от обузы «кормить чучмеков». И могут быть идейные сторонники политических режимов агрессора, которые алчут тех же денег и власти, но под политическим соусом. В Испании как раз из таких и состояла та часть предателей республики, которая дала название самому термину «пятая колонна», такими же были сторонники нацистов в Великобритании, Голландии или Норвегии.

Обычно вред от «пятой колонны» видят в силовом предательском воздействии внутри страны в пользу агрессора – в «ударе ножом в спину», и во времена Второй мировой войны чаще всего именно так и было. Вот, скажем, в Норвегии был деятель, майор норвежской армии Видкун Квислинг, с 1931 по 1933 год он был даже министром обороны. Но в том же 1933 году при помощи немецких нацистов Квислинг основал партию «Национальное единение», в которую со временем вступило около 50 тысяч человек. Когда в день начала немецкого нападения на Норвегию норвежское правительство эвакуировалось из Осло, Квислинг организовал мятеж и по радио объявил о государственном перевороте и создании правительства под своим руководством. Соответственно, он призвал норвежцев подчиниться немцам и прекратить сопротивление. Это дезорганизовало Норвегию и ее армию и помогло немцам, в конце концов, захватить Норвегию без больших потерь.

Деморализующее влияние «пятой колонны»

Но удар в спину – это далеко не все и, возможно, не самое главное. Страшен в «пятой колонне» пример отказа от исполнения долга перед обществом. Подчеркну, не ее собственный отказ от долга перед Родиной – это само собой разумеется, а то, что она является примером подражания для других.

Вот такой, вроде бы не имеющий отношения к делу взгляд на «пятую колонну».

Корреспондент РИА «Новые регионы» 6 декабря 2007 года передал из Тель-Авива сообщение под заголовком «Премьер Израиля поблагодарил советских евреев за развал СССР», в котором, в частности, говорится: *«Выступая в среду вечером на торжественной церемонии, посвященной 40-летию начала борьбы проживавших на территории СССР евреев за право выезда в Израиль, премьер-министр этой страны Эхуд Ольмерт заявил, что победа, одержанная ими в этой борьбе, стала одной из причин распада Советского Союза»*. А экс-министр Натан Щеранский заявил: *«...победа, одержанная советскими евреями в борьбе за право на выезд, «существенно подтолкнула Советский Союз к распаду и тем самым изменила мировой порядок»*. Как видите, руководители Израиля хвастаются, что 40 лет назад выезд евреев

из СССР привел к уничтожению общества СССР. Но как и чем этот простой выезд евреев из страны связан с уничтожением СССР?

Вообще-то нет уверенности, что эти руководители Израиля действительно понимали, что именно они сказали, и совершенно понятно, что они не читали Гитлера. Иначе остереглись бы заявлять подобное. Ведь Гитлер за 90 лет до этого праздника определил евреев как фермент дезорганизации, распада любого общества, а конкретно Гитлер писал о дезорганизации евреями как раз СССР – о том, что они являются ферментом его распада. И надо ли было этим деятелям Израиля подтверждать правоту Гитлера?

Правда, есть евреи и евреи. Есть граждане данной страны еврейского происхождения, которые, соответственно, чувствуют свой долг перед Родиной и исполняют его подчас лучше, нежели коренные граждане. И есть лица, которые в любой стране остаются только евреями, образуя как бы отдельную политическую организацию. Вторые как раз и выезжали, что само по себе было бы благом для СССР, если бы сам их отказ от долга обществу, в котором они выросли, которое их защищало и обучало, сопровождался хотя бы презрением этого общества. Но этого не было, эти лица оставались как бы нормальными людьми, хотя не скрывали, что подавляющая масса едет не за пресловутой свободой, а «за длинной колбасой», и даже не в Израиль, а в США. Мало этого, вместо того, чтобы провести публичное «аутодафе» предателям

СССР, сам этот факт замалчивали, а мелкими придирками из этих в массе своей бессовестных людей делали «узников совести».

Повторю, мораль – это нормы поведения, принимаемые человеком на себя добровольно, и в случае, если и окружающие руководствуются этими же нормами. Если же окружающие не руководствуются моралью, то моральный человек выглядит в собственных глазах каким-то дурачком, который ограничивает себя в том, в чем другие себя не ограничивают. И безнаказанный отказ кого-то по соседству от соблюдения моральных норм – это зараза, которая быстро распространяется и на окружающих. Почему в любой армии мира самым жестоким способом расправляются с дезертирами. Напомню, что офицеров всех армий исстари вооружали пистолетами – короткоствольным и маломощным оружием, мало-пригодным для боя с противником на обычных расстояниях огневого воздействия, причем большинство офицеров батальона в бою шли за боевым строем батальона, имея задачей пристрелить из пистолетов любого, кто попытается из строя выйти по причине отказа от исполнения долга.

В этом же случае отказ подобных евреев от гражданства на глазах у советской интеллигенции (две трети выезжающих евреев имели высшее образование) и отсутствие их осуждения асфальтовым катком прокатывались по такому хрупкому чувству, как долг. Я помню в перестройку разговор с седовласым казаком – аксакалом. Надо сказать, что у казахов,

как и других азиатских народов, аксакалы (старики) пользуются исключительным уважением и авторитетом, но пользуются потому, что свято исполняют свой долг – живут не для себя, а для потомков и думают только об их благополучии. А тут этот аксакал цинично высказывался за то, чтобы передать недра Казахстана иностранцам и лично получить за это хорошие деньги. Но ведь эти недра принадлежат и нашим потомкам! – возмущался я. Это не действовало, в ответ этот аксакал талдычил про Саудовскую Аравию, которая свои недра продает и «хорошо живет».

Разумеется, в таком повороте мозгов, при котором даже старики, носители традиций, отказываются от заботы о будущих поколениях, виноваты не только евреи и не столько евреи, к примеру, отказ руководителей СССР от исполнения долга имел гораздо большее значение, однако, понимали ли Ольмерт и Щеранский, о чем они говорили, или нет, но по сути ими сказанного они были правы.

И «пятая колонна» в первую очередь страшна этим – если ее члены имеют доступ к общению с большим количеством сограждан, то их идеи отказа от исполнения долга перед обществом разлагают народ данной страны – деморализуют его перед лицом иностранной угрозы.

И еще следует обратить внимание на то, почему уничтожать моральную силу противника выгодно заблаговременно, когда с противником еще мирные отношения. Ведь если бы евреи попробовали уезжать во время войны, то их бы рас-

стреливали как дезертиров, а в мирное время на это никто не решился бы, поскольку в мирное время всевозможные «пятые колонны» имеют вид мирных диссидентов.

Волонтеры «пятой колонны»

Следует остановиться и на волонтерах «пятой колонны» – лицах, недовольных своим материальным или властным положением. Спросим себя – а кто им доволен в любом обществе в любых странах? Однако обычные люди, недовольные своим материальным положением, решают эту проблему за счет прилежного труда, рационализации, изобретательства, освоения искусства управления людьми и хозяйством. Им для повышения своего материального благосостояния не требуется разрушать общество, в котором они живут и которое их защищает, тем более не требуется это делать с помощью иностранной агрессии. Следовательно, на риск разрушения общества пойдут только те, кто по жизни улучшить свое положение обычным, честным путем не способен – только глупые и ленивые. Но и такие люди в любом обществе не в диковинку, однако просто глупые и ленивые видят свои способности и довольствуются тем, что имеют. Следовательно, для отказа от долга и для предательства общества лени и тупости, как таковых, мало, нужны еще и несоразмерные способностям амбиции – нужны претензии на иной статус в обществе без оснований его занимать. Откуда берутся такие амбиции?

Я вспоминаю одну из своих командировок в ЮАР в конце 80-х, когда там шли процессы по ликвидации сегрегации.

Поскольку я ездил по заводам, то эта сегрегация была видна на глаз – все рабочие были черные, все руководители, инженеры и конторские служащие – белые. Основное число тех белых, с кем приходилось говорить на эту тему, в принципе видели необходимость этих процессов, но не представляли, как они будут жить с черными. Я же, со своей стороны, плохо представляя, что именно происходит, полез с советом, казавшимся мне естественным, – принять меры к быстрому повышению образовательного уровня чернокожего населения. Собеседник грустно пожал плечами и сообщил, что на территории ЮАР работают несколько университетов для чернокожего населения Африки, но эти заведения практически не готовят специалистов: негры, получившие дипломы, в своей массе становятся революционерами – людьми, стремящимися удовлетворить свои амбиции путем разрушения имеющихся обществ.

Надо сказать, что до этого разговора я гордился полученным образованием, гордился тем вузом, в котором я его получил, гордился тем, что в СССР людей с высшим образованием было больше, чем где-либо в мире, и что каждый четвертый ученый мира – это советский ученый. Взгляд на образование как рассадник заразы общества мне был внове.

Правда, я уже столкнулся с бросающейся в глаза ненормальностью. Днепропетровский металлургический институт (ДМетИ), который я окончил, готовил кадры по специальности «электрометаллургия» для примерно двух десятков со-

ответствующих заводов и производств СССР. Такие же кадры готовили еще четыре вуза, включая Московский институт стали и сплавов (МИСиС). Таким образом, только технологов готовилось более ста человек в год. Но уже из моей группы в 23 человека выпуска 1972 года вообще по специальности работало всего 5. На моем заводе в Казахстане – крупнейшем в своей отрасли – я был единственным выпускником-технологом своего института, а за всю историю завода на нем никогда не работал (даже временно) выпускник МИСиСа никакой специальности. В середине 80-х я ездил в родной институт для разговора с пятикурсниками с целью убедить их приезжать на наш завод работать – не приехал ни один. А мой старый преподаватель, видевший мои пропагандистские труды, с грустью предрек, что из этих студентов не то что ни один не приедет на наш завод, но и ни один не будет работать по специальности. У нас на заводе было около 600 должностей, требующих высшего образования, в цехах на должностях цеховых инженеров работало около 100 человек без высшего образования. Одновременно около 300 человек работало на рабочих должностях – в конторе мест для них не было, а в цехах они работать не хотели – не могли и боялись ответственности. Тогда для кого и для чего готовились эти «специалисты» с «верхним» образованием? И где гарантия, что они осознают никчемность своего образования и у них исчезли амбиции?

Потом прочел в книге француза Г. Лебона «Психология

народов и масс», впервые изданной в России в 1898 г., критику латинской системы образования, ныне властвующей во всем мире (выделено мною. – Ю.М.):

*«...Главная опасность этой воспитательной системы, вполне справедливо именуемой **латинской системой**, заключается в том, что она опирается на то основное психологическое заблуждение, будто заучиванием наизусть учебников развивается ум. Исходя из такого убеждения, заставляют учить как можно больше, и от начальной школы до получения ученой степени молодой человек только и делает, что заучивает книги, причем ни его способность к рассуждению, ни его инициатива нисколько не упражняются. Все учение заключается для него в том, чтобы отвечать наизусть и слушаться».*

Прерву Лебона вопросом: а насколько это тяжело – заучить то, что преподают в вузе? Вот выводы современных психиатров, изучающих умственные отклонения людей и выделяющих группу «конституционно глупых» – глупых от природы:

«Подобного рода люди иногда хорошо учатся (у них сплошь и рядом хорошая память) не только в средней, но даже и в высшей школе: когда же они вступают в жизнь, когда им приходится применять их знания к действительности, проявлять известную инициативу, они оказываются совершенно бесплодными».

Как видите, для глупцов от природы (или от лени) нет

проблем в заучивании слов в учебном заведении с последующим воспроизведением их на экзамене, нет у них проблем и в обществе, особенно в обществе себе подобных. Психиатры фиксируют:

«Они умеют себя «держат» в обществе, говорить о погоде, говорить шаблонные, банальные вещи, но не проявляют никакой оригинальности (отсюда выражение «Salon blödsinn» – салонное слабоумие)...

Они хорошо справляются с жизнью лишь в определенных, узких, давно установленных рамках домашнего обихода и материального благополучия.

С другой стороны, сюда относятся и элементарно простые, примитивные люди, лишенные духовных запросов, но хорошо справляющиеся с несложными требованиями какого-нибудь ремесла, иногда даже без больших недоразумений работающие в торговле, даже в администрации.

Одной из отличительных черт конституционально-ограниченных является их большая внушаемость, их постоянная готовность подчиняться голосу большинства, «общественному мнению»».

Становятся понятными подконтрольные правительствам «институты изучения общественного мнения» и навязчивое сообщение ими «мнения избирателей» о «рейтинге кандидатов» накануне выборов.

«К конституционно-глупым надо отнести также и тех своеобразных субъектов, которые отличаются большим

самоуверенностью и которые с высокопарным торжественным видом изрекают общие мысли или не имеющие никакого смысла витиеватые фразы, представляющие набор пышных слов без содержания (хороший образец, – правда, в шаржированном, карикатурном виде – изречения Козьмы Пруткина).

Может быть, здесь же надо упомянуть и о некоторых резонерах, стремление которых иметь о всем свое суждение ведет к грубейшим ошибкам, к высказыванию в качестве истин нелепых сентенций, имеющих в основе игнорирование элементарных логических требований.

Нелишне подчеркнуть, что по отношению ко многим видам конституционной глупости подтверждается изречение знаменитого немецкого психиатра, что они могут, умеют больше, чем знают... в результате чего в грубо элементарной жизни они часто оказываются даже более приспособленными, чем так называемые умные люди.

Но верну слово Лебону, продолжающему сообщать о дефектах латинской системы образования:

«...Если бы такое воспитание было только бесполезно, то можно было бы ограничиться сожалением о несчастных детях, которым предпочитают преподавать генеалогию сыновей Клотария или историю борьбы Невстрии и Австрозии, или зоологические классификации вместо того, чтобы обучить их в первоначальной школе чему-нибудь полезному. Но такая система воспитания представляет со-

бой гораздо более серьезную опасность: **она внушает тому, кто ее получил, отвращение к условиям своего общественного положения**, так что крестьянин уже не желает более оставаться крестьянином, и самый последний из буржуа не видит для своего сына другой карьеры, кроме той, которую представляют **должности, оплачиваемые государством**.

Государство, производящее всех этих дипломированных господ, может использовать из них лишь очень небольшое число, оставляя всех прочих без всякого дела, и таким образом оно питает одних, а в других создает себе врагов. Огромная масса дипломированных осаждает в настоящее время все официальные посты, и на каждую, даже самую скромную, официальную должность кандидаты считаются тысячами, между тем как какому-нибудь негодяю, например, очень трудно найти агента, который мог бы быть его представителем в колониях. В одном только департаменте Сены насчитывается 20 000 учителей и учительниц без всяких занятий, которые, презирая ремесла и полевые работы, обращаются к государству за средствами к жизни. **Так как число избранных ограничено, то неизбежно возрастает число недовольных**, и эти последние готовы принять участие во всякого рода возмущениях, каковы бы ни были их цели и каковы бы ни были их возжди. Приобретение таких познаний, которые затем не могут быть приложены к делу, служит верным средством к тому, чтобы возбудить в че-

ловеке недовольство.

*Это явление свойственно не только латинским странам; мы можем наблюдать то же самое в Китае – стране, также управляемой солидной иерархией мандаринов, где звание мандарина, так же как у нас, достигается путем конкурса, причем все испытание заключается в безошибочном цитировании наизусть толстых руководств. **Армия ученых, не имеющих никаких занятий, считается в настоящее время в Китае истинным национальным бедствием.** То же самое стало наблюдаться и в Индии после того, как англичане открыли там школы не для воспитания, как это делается в Англии, а для того только, чтобы обучать туземцев. Вследствие этого в Индии и образовался специальный класс ученых, бабу, которые, не получая занятий, становятся непримиримыми врагами английского владычества. У всех бабу – имеющих занятия или нет – **первым результатом полученного ими образования было понижение уровня нравственности.** Этот факт, о котором я много говорил..., констатируется всеми авторами, посещавшими Индию».*

При формировании «пятой колонны» имеется в виду активность агрессора, имеется в виду, что это агрессор формирует «пятую колонну» в стране-жертве, однако, как вы видите, несчастная жертва сама может из своих «бабу» сформировать свою «пятую колонну» всего лишь глупостью своей системы образования, – жертва сама может подготовить

себе собственную гибель.

Завышение оценки моральных сил жертвы агрессии

Закончу исследование моральных сил государства.

Мораль – это традиции общества иметь определенные моралью нормы поведения. Но традиции изменяются вместе с условиями жизни, мало этого, в разных сословиях или племенах они могут быть разными. Кроме того, если такие нормы поведения, как честность или совесть в массе общества, иностранец еще так-сяк сможет оценить в мирное время, то чувство долга в мирное время оценить невозможно, поскольку в мирное время долг не востребуется, посему все имеют возможность заявлять, что готовы исполнить долг и даже клятву дать. И как оценить, как эти люди поведут себя тогда, когда долг потребует отдать, – при угрозе войны и в условиях войны? Ошибки в оценке степени деморализации общества могут быть велики, причем как в плюс, так и в минус.

Мы видим, что все заинтересованные правительства грубейшим образом ошиблись в оценке моральных сил Польши. Надо думать, что в основу неправильной оценки лег формальный подсчет вооруженных сил Польши и тот факт, что в 1920 году Польша выиграла войну у только зарождавшегося тогда и раздираемого Гражданской войной будущего СССР. Эту победу поляков определила глупость и трусость коман-

довавшего Западным фронтом РККА М. Тухачевского, а отнесли ее в заслугу Пилсудскому и польской шляхте. Интересно, что сам Пилсудский, надо отдать ему должное, назвал свою победу «комедией ошибок», хотя он, действительно, как настоящий великий полководец, приложил все силы, чтобы эта польская победа состоялась. Но она никак не изменила гнусную сущность польской шляхты, которая хороша только для внезапного мятежа и которая быстро удирает за границу, как только возникает угроза собственной жизни. Никто как-то не оценил, что у польской шляхты нет традиции исполнять свой воинский долг перед Польшей с риском для жизни.

Можно представить, какой неожиданностью для немцев была деморализация польской армии, ведь до весны 1939 года немцы и поляки были фактическими союзниками – еще в 1938 году они вместе напали на Чехословакию и заставили ее капитулировать, причем Польше досталась Тешинская область Чехословакии. Немцы даже наметок военных планов против Польши до весны 1939 года не имели, не вели они и никакой подрывной работы против Польши. Когда стало понятно, что с Польшей придется воевать, немцы наверняка начали работу по формированию в Польше «пятой колонны», пытаясь возбудить для этого западноукраинских националистов, но ничего не успели сделать, и эти националисты никак в последовавшей германо-польской войне себя не проявили.

Да, успехи поляков в войне 1920 года внесли капитальную ошибку в оценку шляхты. Слова же самого маршала Пилсудского о том, что это он заставил поляков победить (*«Я победил вопреки полякам... Победы одерживались с помощью моего кнута»*), и его характеристику полякам как идиотам Сталин и Гитлер, видимо, считали простым хвастовством и последствиями старческого маразма и тяжелой болезни Пилсудского. Между тем свою книгу «1920 год» Пилсудский написал еще в 1924 году, когда не был ни стариком, ни диктатором Польши, а события войны 1920 года еще у всех были свежи в памяти. А в этой книге он характеризовал польскую элиту как *«мудрствующее бессилие и умничающую трусость»*. Когда Пилсудский метался со своего Южного фронта, где пытался остановить Буденного, на Северный фронт, где пытался остановить удирающие толпы польской армии, эта элита за его спиной послала к Советскому правительству делегацию, как он пишет, *«с мольбой о мире»*. Он и тех, кто был правителем Польши в 1939-м и в последующих годах, уже в 1924 году описывает как откровенных трусов. Пилсудский пишет, что затратил огромные силы в войне 1920 года, планируя операцию в расчете на заверения генерала Сикорского, что тот удержит Брест 10 дней, но Сикорский удрал из Бреста уже на следующий день после того как дал обещание маршалу. В 1920 году еще генералу Рыдз-Смиглы Пилсудский дал приказ нанести *«удар по главным силам Буденного около Житомира»*. Однако трусливый

Рыдз-Смиглы *«отвел свои войска в северо-западном направлении... как бы старательно избегая возможности столкновения с конницей Буденного».*

Сталину и Гитлеру для оценки предстоящего поведения Польши надо было брать иные исторические аналогии. Сталину надо было вспомнить Польшу Станислава Лещинского, когда основной боевой тактикой польской армии было бряцание оружием и обещание разорвать противника в клочья с последующим драпом с поля боя после первого же выстрела этого противника. А Гитлеру надо было вспомнить, что эту излюбленную тактику поляки применяли и против Фридриха Вильгельма – прадеда любимого Гитлером короля Фридриха II. Герцог бранденбургский Фридрих Вильгельм совместно со шведским королем Карлом X пришел под Варшаву в июле 1656 года, чтобы отстоять свое суверенное право на Восточную Пруссию. Их встретила вчетверо превосходящая по силам польско-литовская армия Яна Казимира. Шведы и бранденбуржцы разогнали поляков, лишив их артиллерии. По этому поводу польский писатель Генрик Сенкевич в романе «Потоп» пишет: *«На Варшавском мосту, который рухнул, были утрачены только пушки, но дух армии был переправлен через Вислу».* Само собой. Как же это можно – польская армия, да без духа? Наверное, когда 30 июля бранденбуржцы со шведами входили в Варшаву, они от этого духа сильно морщились.

При этом Лещинский, заваривший всю эту кашу в XVIII

веке, когда дошло дело до личного участия в бою, бросил Польшу, бросил свою шляхту, бросил 2000 человек присланного Францией войска и удрал за границу. Ян Казимир, который вызвал войну со Швецией и Бранденбургом в XVII веке тем, что потребовал себе шведскую корону, когда дошло дело до личного участия в отстаивании этих претензий, бросил Польшу на разграбление шведам и удрал за границу. Какие были основания считать, что польская элита образца 1939 г. поступит как-то по-иному?

Сталин и Гитлер ошиблись, равняя поляков по себе. Каким бы ни был Гитлер, но у него и мысли не было бросить немцев и удрать из Берлина в апреле 1945 года. А когда немцы в октябре 1941 г. вплотную подошли к Москве, то в запасную столицу Куйбышев были эвакуированы посольства, министерства, институты, но Сталин и не подумал уезжать из Москвы. Командование оборонявшего Москву Западного фронта тогда запросило у Сталина разрешение отвести штаб фронта на восток за Москву, в Арзамас, а командный пункт фронта отвести в саму Москву – в здание Белорусского вокзала. По свидетельству маршала Голованова, Сталин предупредил командование Западного фронта, что если оно вздумает еще отступать, то Сталин его расстреляет и в командование фронтом вступит сам. Немцы уже бомбили Кремль, в охранявшем Кремль полку были убитые и раненые, но Сталин Кремль не покидал.

Занижение оценки моральных сил жертвы агрессии

Оценка Польши была грубейшей ошибкой всех правительств, которая привела к неоправданной переоценке моральных сил этого государства. Но мы видели, что и в оценке моральных сил СССР правительства всех государств кардинально ошиблись, но теперь уже в обратную сторону – очень сильно недооценили моральные силы СССР.

Посмотрите по итоговым числам Второй мировой войны. Известные своей храбростью (по кинофильмам) отчаянные поляки на третий день боев начали удирать от немцев во все стороны и страны, потеряв за три недели войны примерно одного убитого солдата на 400 человек населения. Бывшие храбрые французы при таких же потерях сдались. Немцы, храбрые, умелые, азартные солдаты, безусловно преданные Германии, потеряли в ту войну за будущее государство для своих детей около 7 миллионов населения, или каждого десятого. И сдались! Советские люди, разбившие 7 из каждых восьми немецких дивизий, потеряли за будущее государство для своих детей каждого седьмого (!) гражданина.

Но не сдались и отстояли свое государство! Почему?

Причем то, что в данном случае в Первую явно недооценивались именно моральные силы, а не военные, хорошо видно на примере Советско-финской войны.

Когда я сообщаю читателям, что в 1939 году Финляндия желала и хотела войны с СССР с целью захвата у Советского Союза территорий, и даже первый выстрел сделала Финляндия, то читатели возмущаются – как это возможно?! Сегодня это действительно уму непостижимо: как могла Финляндия со своими 3,5 миллиона населения иметь планы по захвату территории СССР с его 170 млн?!

Тем не менее работа комиссии российско-финских историков в финских архивах приводит именно к такому выводу. Ни о каком отстаивании свободы и суверенитета «беденькой Финляндии» в правительственных и военных кругах Финляндии и речи не шло. Из оперативных планов финской армии, сохранившихся в Военном архиве Финляндии, следует, что *«предполагалось сразу после нападения СССР перейти в наступление и занять ряд территорий, прежде всего в Советской Карелии... командование финляндской армии окончательно отказалось от этих планов лишь через неделю после начала «зимней войны», поскольку группировка Красной Армии на этом направлении оказалась неожиданно мощной»*. Финляндия собиралась установить новую границу с СССР по *«Неве, южному берегу Ладожского озера, Свири, Онежскому озеру и далее к Белому морю и Ледовитому океану (с включением Кольского полуострова)»*. Вот так!

В войне 1939—1940 годов Финляндия отказалась от этих планов только через неделю после начала войны, когда реально попробовала наступать и у нее это плохо получилось.

По этим планам, укрепления «линии Маннергейма» отражали удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. Граница новой Финляндии должна была быть отодвинута и проходить, как вы прочли выше, по линии Нева – южный берег Ладожского – восточный берег Онежского озер – Белое море.

Разгром финской армии в 1940 году финнов ничуть не успокоил, эти планы оставались в действии и тогда, когда Финляндия примкнула к нацистской Германии в ее агрессии против СССР в 1941 году. Тогда правительство СССР начало энергично пробовать мирно вывести Финляндию из войны. По просьбе СССР посредниками стали Англия и США. Советский Союз предлагал вернуть Финляндии занятые в зимней войне 1939—1940 года территории и еще пойти на территориальные уступки. Англо-американцы настаивали, сами угрожая Финляндии войной. Но финны не уступали, и в ответной ноте США 11 ноября 1941 года Финляндия заявила: *«Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года. Было бы настоятельно необходимо для Финляндии и в интересах действенности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году во время первой фазы войны, если бы только ее силы были для этого достаточны»*. Об этом интересующиеся могут сами прочесть в подборке документов журнала «Родина». Документы тем более убедительны, что весь журнал издается администрацией

президента России и выдержан в сугубо антисоветском духе.

Надо понять, что со стороны Финляндии цели войны выглядели очень соблазнительными и с экономической, и с военной точек зрения: площадь Финляндии увеличивалась вдвое, а сухопутная граница с СССР сокращалась более чем вдвое. Граница проходила бы сплошь по глубоким рекам и мореподобным озерам. Надо сказать, что цель войны, поставленная перед собою финнами, если бы она была достижима, не вызывает сомнений в своей формальной разумности.

Даже если бы не было финских документов по этому поводу, то об этих сугубо агрессивных планах можно было бы догадаться. Посмотрите на карту тех времен. Финны укрепили «линией Маннергейма» маленький кусочек (около 100 км) границы с СССР на Карельском перешейке – именно в том месте, где по планам и должна была проходить их постоянная граница. А тысяча километров остальной границы СССР? Ее финны почему не укрепляли? Ведь если бы СССР хотел захватить Финляндию в ходе войны 1939—1940 годов, то Красная Армия прошла бы туда с востока, из Карелии. «Линия Маннергейма» просто бессмысленна, если Финляндия действительно собиралась обороняться, а не наступать. Но, в свою очередь, при наступательных планах Финляндии строительство оборонительных линий на границе с Карелией становилось бессмысленным – зачем на это тратить деньги, если Карелия отойдет к Финляндии и укрепления надо

будет построить, вернее – достроить к «линии Маннергейма», на новой границе! На границе, которую предстояло завоевать в 1939 году!

Соблазн соблазном, но ведь финны не полные же идиоты: как они могли на это решиться – с 3,5 миллиона выступить против 170?

Разумеется, правительственные и военные круги Финляндии надеялись на то, что к ним примкнут великие державы и тоже объявят войну СССР, благо, Англия и Франция бездействовали в войне с Германией, а СССР заключил договор о дружбе с ней. И судя по событиям, какие-то устные обещания финны от великих держав получили. Но главное не в этом. Дело в нас – мы почти всегда допускаем ошибку – мы на события тех дней смотрим сегодняшними глазами. Сегодня мы знаем, чем был СССР, мы знаем, что он почти один на один выдержал натиск всей Европы и победил. Но кто это знал тогда – в 1939 году?

Давайте вернемся в то время и посмотрим на Россию глазами тех людей. К началу Второй мировой Россия более 100 лет неспособна была выиграть ни одной войны. Десант англичан и французов под Севастополь в 1854 году принудил Россию сдаться. Балканская война, формально выигранная, была проведена столь слабо и бездарно, что ее старались не рассматривать даже при обучении русских офицеров. Проиграна была война Японии, маленькой стране. В 1914 году русская армия почти вдвое превосходила армию авст-

ро-немецкую и ничего не способна была сделать! В 1920 году только оперившаяся Польша отхватывает у СССР огромный кусок территории. Да что Польша! В 1918 году белофинны со зверской беспощадностью громят советскую власть в Финляндии. И если в ходе боев с обеих сторон числится всего 4,5 тысячи убитых, то после боев белофинны расстреливают 8000 пленных и 12 000 умирают с голода в их концлагерях. Были безжалостно убиты на территории Финляндии все русские большевики. А Советская Россия в помощь им даже пальцем не способна была пошевелить. Ведь гитлеровское определение СССР как «колосса на глиняных ногах» не из вакуума взялось.

И добавьте к этому советских диссидентов. Ведь вся разведка как Финляндии, так и всех стран либо прямо велась через них, либо велась с их помощью, и наверняка штабами всех стран не принималась во внимание заинтересованность диссидентов в соответствующем искажении действительности. К примеру, финская тайная полиция докладывала правительству накануне войны, что в СССР 75% населения «ненавидят режим». А ведь это означало, что нужно только войти в СССР, и население само уничтожит большевиков, встретит «армию-освободительницу» хлебом-солью и уж в любом случае воевать за большевиков не будет. Генштаб Финляндии, базируясь на анализе предательских действий советского маршала Блюхера в боях с японцами на озере Хасан летом 1938 года, докладывал, что Красная Ар-

мия не способна не только наступать, но и обороняться. Учитывая такую слабость противника, грех было не воспользоваться ею, посему финское правительство и не сомневалось, что один на один Финляндия способна вести войну с СССР не менее шести месяцев и победить. И оно, повторю, было уверено, что за такой огромный срок сумеет привлечь на свою сторону какую-либо из великих держав в союзники.

Как вы поняли из приведенной выше цитаты из Дейтона, в оценке моральных сил СССР финское правительство выглядит не более глупо, чем правительства Англии или США и тем более, чем Гитлер. В 1941 году Гитлер бодро атакует СССР, а уже 12 апреля 1942 года, чтобы объяснить провал блицкрига, выдает идиотскую тираду: *«Вся война с Финляндией в 1940 году – равно как и вступление русских в Польшу с устаревшими танками и вооружением и одетыми не по форме солдатами – это не что иное, как грандиозная кампания по дезинформации, поскольку Россия в свое время располагала вооружениями, которые делали ее наряду с Германией и Японией мировой державой»*. По Гитлеру получается, что Сталин специально прикидывался слабым, чтобы не перепугать Гитлера перед нападением на СССР. То есть в 1941 году и Гитлер грубейшим образом и для Германии фатально ошибся в оценке моральных сил СССР.

Выводы

Поскольку рассматривается вопрос молниеносной войны, то есть мы смотрим на проблему со стороны агрессора, то можно сделать вывод, что уничтожение моральных сил противника путем деморализации его народа (и армии) – наиболее экономичный и наименее рискованный способ победы в войне. Это же и наиболее надежный путь (если придется) провести «горячую» фазу войны молниеносно. Способы деморализации можно свести к трем принципиальным:

- внушить народу-жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору;

- «разделяй и властвуй!» – разделить общество на части, а эти части, если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным – то, что и требуется;

- склонить влиятельную часть общества к отказу от исполнения долга перед обществом посулом материальных благ или власти в завоеванном государстве – играть на алчности, глупости, трусости и подлости отдельных страт и личностей.

Разумеется, все это надо делать заблаговременно, поскольку подрыв моральных сил – это процесс не быстрый, и

надо максимально использовать мирный период с его открытостью и возможностью относительно легально вести вербовку и пропаганду.

Замечу, не принято относить к «пятой колонне» генерально-офицерский состав армии – его считают просто предателями, что, в общем-то, так и есть. Однако надо понимать, что если генерально-офицерский состав армии в мирное время формируется не из людей высоких моральных качеств, а из людей, которые идут в армию всего лишь для того, чтобы иметь высокий статус и хорошее материальное положение, то эти люди на самом деле и не умеют воевать, и сами знают это. То есть они заведомо запуганы собственным непрофессионализмом, собственным неумением воевать. Посему при угрозе войны и возрастающем риске гибели вообще и, в частности, от собственного непрофессионализма эти люди также могут стать аналогом «пятой колонны». Стать сознательно еще до войны или по чистой трусости уже с началом войны.

Облегчает создание «пятой колонны» наличие в стране-жертве большого количества «бабу» – глупцов, сумевших получить образование, а вместе с ним и амбиции, несоразмерные способностям.

Глава 3

Экономическая сила

О руководстве экономикой

Экономическая сила – она и в Африке сила. Но в экономических силах государства невозможно найти ничего, что было бы присуще молниеносности войны. Поэтому, я полагаю, в порядке, так сказать, общего развития рассмотреть вопрос руководства этими экономическими силами. Сегодня в России в кругу интеллектуалов этот вопрос звучит дико – как это руководить народным хозяйством? Ведь каждый настоящий интеллигент знает, что руководит экономикой только рынок!

К сожалению для двух десятков миллионов советских людей, погибших в Великую Отечественную войну, Гитлер этого не знал, и, к счастью для победивших советских людей, Сталин тоже этого не знал. Не были они такими мудрыми экономистами, как нынешние президенты, уверенные, что от них требуется только щук ловить да за амфорами нырять, а цены на нефть как-нибудь сами обогатят население, на шее которого эти президенты сидят. Сталин и Гитлер были людьми «экономически малограмотными», наивно счи-

тавшими, что раз благосостояние народа и сила государства зависят от развития экономики, то, следовательно, они обязаны руководить экономикой. И они руководили.

А вот теперь поговорим об интеллектуальной составляющей любой работы по исполнению дела. С этой точки зрения работа нашего мозга идет в три следующих одна за другой стадии: оценка обстановки, принятие решения и действие. Не уверен, но, возможно, болтовня ради болтовни идет как-то по-другому, но мыслительная работа человека при любой его осмысленной деятельности протекает именно так. Индивидуальная работа человека после первых двух стадий заканчивается каким-либо его индивидуальным действием: он либо делает руками то, что решил, или идет, куда решил, или говорит то, что решил сказать, или пишет то, что придумал на основе своего анализа. А вот у руководителя (командира) оценка обстановки и принятие решения заканчивается его приказом или иным распорядительным действием. Итак.

Оценка обстановки. Анализ поставленного или вставшего перед руководителем дела – его сложности и особенностей, анализ сил, вверенных руководителю подчиненных, подсчет наличных средств и резервов.

Принятие решения. Разделение дела на дела своих подчиненных и поиск ресурсов для обеспечения выполнения подчиненными указанных им дел.

Действие. Оформление своего решения в приказную форму и доведение приказа до подчиненных.

Конечно, если бы все было так просто, то на работу надо бы было ходить один раз в год.

На самом деле обстоятельства меняются непрерывно: непрерывно меняются собственные силы – они то слабеют, то усиливаются; по каким-то делам у подчиненных то возникают провалы, то появляются резервы; ресурсов где-то не хватает, а где-то появляется их избыток; собственные задачи то оказывается сложнее, чем ранее виделись, то по ним находят эффективные решения и т. д. и т. п. Поэтому и начальник работает непрерывно, и чем тяжелее дела, тем больше приходится работать – все глубже оценивать по встающим задачам обстановку, все чаще принимать корректирующие решения. Чем лучше начальник понимает стоящие перед ним задачи, тем точнее он оценивает обстановку, тем точнее его первоначальные и последующие решения, тем, строго говоря, меньше их надо и тем они эффективнее. И соответственно, тем полезнее такой начальник для организации, тем эффективнее такой руководитель для государства.

Как называется работа по оценке обстановки и принятию решения? Молодые уже могут этого и не знать, но люди в годах еще помнят – в Советском Союзе это называлось простым словом «планирование». Работа начальника заключается в разделении труда между подчиненными, а это и есть планирование: если начальник планированием занимается, значит, он начальник, если не занимается, значит, в лучшем случае, паразит, а в худшем – вредитель.

Вот, к примеру, один из директоров завода, на котором мне пришлось работать, руководитель «от бога», мог простить очень многое, но не прощал опозданий на плановые встречи. И дело было не в какой-то его придури, а в точном взгляде на то, кто такой руководитель. Как-то раз он вполне резонно объяснил, что вся работа руководителя – это планирование, и если руководитель не способен на элементарное – на то, чтобы спланировать свое рабочее время так, чтобы не опаздывать на плановые встречи, – то тогда какой он, к черту, руководитель?!

Так что пора поговорить о планировании.

Планирование

В СССР мы имели мощную экономику – именно такую, которая могла справиться с задачей экономики государства – обеспечением всего народа максимумом товаров и услуг. Даже парализованная в те годы бюрократизмом, экономика была настолько сильна, что с ней не могла сравниться ни одна экономика даже самых развитых стран.

Рассмотрим, в чем была ее сила, а для этого смоделируем нашу страну, мысленно уменьшая ее размеры до тех пор, пока она не достигнет величины крестьянского хозяйства. В этой модели главой страны, ее правительством, окажется хозяин этого двора – сам крестьянин.

Представим себе конец зимы, долгий вечер, он сидит и думает: «Детей у меня пока четверо, жена да я сам – шестой. Чтобы не голодать, надо в год 20 пудов хлеба на рот, итого 120 пудов. Да на одежду, инвентарь, то-другое потребуется рублей 60. Если Бог даст, то цена на хлеб не упадет ниже 1,5 рубля за пуд, а значит, чтобы выручить 60 рублей, надо еще 40 пудов, да на еду 120, итого 160 пудов. Если Бог дождичка пошлет (а судя по зиме, то может и послать, наверное, пошлет), то урожай надо ожидать, пожалуй, сам-десять, то есть по 60 пудов с десятины. На семена 6 пудов, тогда на еду и товарного зерна с десятины останется 54 пуда, а мне надо 160. Это значит, что три десятины под хлебом надо иметь.

Да, пожалуй, хоть половину десятины, а овсом надо засеять. Будет овес, следующей зимой схожу с лошадьё в извоз, все лишняя копейка... Зима снежная, пожалуй, луга хорошо зальет, сена пудов 300 возьму, да солома будет, телку, видимо, резать не придется, пусть на следующий год простоит, корова старая, менять надо... Три с половиной десятины я и сам вспашу и засею за две недели, старшему 12, пособит. Так что людей в помощь нанимать не придется...». И так далее, и тому подобное.

Как назвать то, чем занимается этот крестьянин? Что он делает? Думает? Мечтает? Фантазирует? Нет. Он планирует! Правда, в русском языке использовалось слово «задум». И никакое хозяйство невозможно без планирования, если во главе его не стоит идиот. И сила экономики СССР была в системе планирования своего народного хозяйства, своей экономики.

Тогда в чем же был смысл тех «рыночных отношений», которые были внедрены Западом и их пособниками в уничиженном СССР? В учреждении безмозглости в СНГ – в ликвидации планирования! В тупой, административной, насильственной ликвидации системы планирования в стране – в тупой, административной, насильственной ликвидации осмысленности народного хозяйства! Если перенести цели победившего Запада и его нынешних холуев на нашу модель с крестьянином, то они хотели иметь такой вид народного хозяйства СССР.

Жена крестьянина сварила себе порцию щей и сидит ожидает «спроса на рынке». Прибегает один ребенок: «Мама, кушать хочу». «Ага, — размышляет жена крестьянина, — появился спрос на рынке. Надо еще порцию варить». А потом следующий ребенок бежит, потом еще один. Жена каждый раз радуется: спрос на «свободном рынке растет»! Естественен вопрос: что, у этой хозяйки «крыша поехала»? Почему она не пересчитает свою семью и сразу не сварит шесть порций? Кому в данном случае нужны этот «спрос на рынке» и эти «свободные рыночные отношения»? Ведь никакое хозяйство — малое или большое, никакая экономика не может развиваться без планирования.

Думаю, мало кто слышал в нынешней России имя Ли Якокки: у нас сейчас совсем другие герои. А между тем в 1986 году этот человек, по опросам общественного мнения, занимал в США второе место по популярности после президента Рональда Рейгана и был его яростным критиком, что никак не помешало Якокке и в 1987 году опять войти вместе с Папой Римским в десятку самых почитаемых в Америке людей. Ли Якокка — был реальным командиром реальной экономики, как сейчас говорят, «кризисным» руководителем промышленных предприятий. Сначала он возглавлял «Форд Мотор Компани», а затем поставил на ноги обанкротившуюся корпорацию «Крайслер». Его репутация руководителя и экономиста столь велика, что существовало мощное движение по выдвижению Якокки на пост президен-

та США. Это человек, который не учил других, как управлять экономикой, а сам успешно управлял промышленными империями, от благосостояния которых зависела жизнь нескольких миллионов граждан США.

Сам себя он считал и считает убежденным капиталистом и принципиальным поборником свободного предпринимательства. *«И я вовсе не хочу, чтобы правительство вмешивалось в деятельность моей компании, а если на то пошло, и всякой другой компании, — писал он. Но тут же добавлял: «Почти все восхищаются японцами, их ясным видением будущего, налаженным у них сотрудничеством между правительством, банками и профсоюзами, их способностью использовать свои преимущества для неуклонного движения вперед. Но как только кто-нибудь предлагает следовать их примеру, в воображении возникает образ Советского Союза с его пятилетними планами.»*

Между тем государственное планирование отнюдь не должно означать социализм. Оно означает лишь наличие продуманной стратегии, сформулированных целей. Оно означает согласование всех аспектов экономической политики вместо разрозненного их выдвигания по частям, вместо негласной разработки их людьми, преследующими лишь свои узкогрупповые интересы.

Можно ли считать планирование антиамериканским понятием? Мы у себя в корпорации «Крайслер» ведем большую плановую работу. И так же действует любая другая

преуспевающая корпорация. Футбольные команды планируют. Университеты планируют. Банки планируют. Правительства во всем мире планируют. Исключение составляет лишь правительство США.

У нас не будет прогресса, если мы не откажемся от нелепой идеи, будто всякое планирование в масштабе страны представляет собой наступление на капиталистическую систему. Эта идея внушает нам такой страх, что мы остаемся единственной развитой страной в мире, не имеющей своей промышленной политики».

Наиболее известным лауреатом Нобелевской премии по экономике является В.В. Леонтьев – американский экономист русского происхождения. Эту премию он получил за разработку способов планирования капиталистической экономики.

В начале перестройки он приезжал в СССР, просил, убеждал, уговаривал: «Не трогайте Госплан и Госнаб, не разрушайте то, что кормит и содержит страну!» Но кто мог его слушать? Секретари обкомов, уже обзаведшиеся счетами в западных банках и «хатынками в Канаде»? Разве он был нужен дорвавшемуся до власти тупому и продажному бюрократическому аппарату СССР? Все разгромили, все уничтожили – могучую страну, мощную экономику. Теперь слушаем и читаем в очередной раз о том, что «темпы падения производства стабилизировались», то есть падаем в яму с той же скоростью. Уже радость! Поскольку можем и быстрее. И да-

же если где-то что-то вдруг обнаруживает тенденцию к росту, то при чем тут правительство, если оно народным хозяйством принципиально не управляет?

Ни одно предприятие никогда не действует без плана, и это везде, – в любой стране, на любой фирме. У американцев даже поговорка есть: «If you fail to plan you plan to fail» – «Если у вас провал с планированием, то вы планируете провал».

Нужно различать такие понятия, как «планирование» и «форма собственности» предприятий.

Система планирования в государстве никак не связана с формой собственности. Если капиталист согласен стать в плановую схему, то этому ничего не препятствует и, кстати, официально частные и самостоятельные предприятия очень часто включены в плановые схемы промышленных концернов и работают на план этих концернов.

Так вот, не только СССР имел плановую экономику, управлявшуюся правительством и его директивным органом Госпланом, но и экономика нацистской Германии была плановой, и под руководством второго человека в партии и Германии Германа Геринга она каждые плановые 4 года увеличивала годовой валовой национальный продукт вдвое. А с началом захвата и подчинения себе европейских государств Геринг объединил единым планом почти все их предприятия, и на воюющую Германию работала вся покоренная ею Европа.

Эффективность плановой экономики

Ведь это не так давно было – советские гастрономы, забитые товарами, и списки обязательного ассортимента на их стенах, и продавцы, как каторжные, бросающие очереди покупателей тонны отечественных продуктов: круп, колбас, консервов и много того, от чего ломились полки магазинов. Промтоварные магазины были забиты советскими холодильниками, телевизорами, радиоприемниками, часами, костюмами, рубашками, тканями, и все это по вполне доступным почти для каждого ценам. И главное здесь не то, что цены были невысокими, это вторично, главное, что экономика производила почти все виды товаров, рассчитанных (спланированных) на покупку абсолютно всеми гражданами СССР, а не в расчете только на людей с деньгами, как на Западе и в СНГ сегодня.

Я люблю цифры из-за их жесткости и конкретности, и пусть простят меня читатели, которым они не по душе. СССР обладал 30 % мировых запасов угля, 40 % нефти, 45 % газа, 50 % сланцев, 44 % мировых запасов железных руд, 30 % хромовых руд, 74 % марганцевых руд, 40 % редкоземельных и т. д. и т. п. В стране было сосредоточено 28 % мировой добычи алмазов и 30 % – драгоценных камней... Да, было что грабить!

СССР производил 17,9 % мировой машиностроительной

продукции, из них 22 % мирового производства металлорежущих станков, 46 % комбайнов, 11,3 % оборудования для пищевой промышленности, 63,2 % энергетического оборудования, 27 % самолетов, до 50 % военной техники, 21 % грузовых автомобилей и только 4,8 % легковых.

Советский Союз являлся одним из крупнейших мировых поставщиков машиностроительной продукции. И хотя он производил лишь 17,9 % машиностроительной продукции, а капстраны – 73,1 % (без КНР), о чрезвычайно высоком качестве советского оборудования свидетельствует то, что на нем работало 35 % базовых отраслей промышленности КНДР, 36 % – Индии, 45 % – Ирана, 65 % – Пакистана, 20 % – Турции, 50 % – Алжира, 25 % – Египта, 50 % – Ливии. А это отнюдь не отсталые страны... СССР производил в 1990—1991 гг. (в год) 13,2 млрд квадратных метров ткани, или 37,8 кв. м. на человека (для сравнения: ФРГ – 32 кв. м. на человека). В том числе 75 % мирового производства льняных тканей, шелка 12 %, хлопчатобумажных тканей 13 %, шерстяных – 19 % – 2,6 кв. м на человека (для сравнения: ФРГ – 2,4 кв. м, США – 0,7 кв. м).

Трикотажных изделий в СССР было произведено 22 % мирового уровня, т. е. в 2,5 раза больше Японии, производилось 27 % мирового производства кожаной обуви, в 4 раза больше, чем тогда в КНР, в 6 раз больше, чем в США, в 3 раза больше, чем в Японии.

СССР производил 10 млн телевизоров (10,9 % мирового

производства, ФРГ – 5 млн., Япония – 12 млн.); электропылесосов – 6 млн шт. (12,4 % мирового производства), Япония – 6,6 млн., ФРГ – 4,6 млн.; утюгов мы производим 16 млн шт. (15 % мирового производства); холодильников – 6,5 млн шт. (17,4 % мирового производства, Япония – 5 млн.); стиральных машин – 6 млн (12,6 % мирового производства), Япония – 4 млн., ФРГ – 2 млн.; фотоаппаратов – 3 млн шт. (4,4 % мирового производства); часов – 72 млн шт. (17,1 % мирового производства). И все это производство конкурировало с Западом как на своем, так и на мировом рынке. Было что уничтожать!

Но вот Запад победил, как он называет, в «холодной войне», к власти в СССР и к управлению его народным хозяйством пришли его туземные холуи. И уже через три года, к 1995 году, как свидетельствует «Российский статистический ежегодник», по сравнению с 1990 годом от производства турбин остался 51 %, генераторов – 21 %, крупных электромашин – 23 %, металлорежущих станков – 27 %, кузнечно-прессовых машин – 11 %, тракторов – 13 %, комбайнов – 18 %, мостовых кранов – 14 %, башенных строительных кранов – 6 % и т. д. и т. п. От производства тканей, обуви и товаров длительного пользования осталось: тканей – 26 %, (в том числе льняных – 27 %, шелка – 23 %, шерстяных – 19 %, хлопчатобумажных – 27 %), обуви – 20 %, стиральных машин – 39 %, магнитофонов – 21 %, пылесосов – 35 %, швейных машин – 23 %, телевизоров – 47 %, утюгов – 31 %, холо-

дильников – 71 %, фотоаппаратов – 24 %, часов – 43 %. Сейчас и того нет...

Такой вот пример, заодно показывающий и мощь экономики нацистской Германии. Союзники СССР, Великобритания и США, всю войну хотели бомбардировками подорвать промышленность гитлеровской Германии. Поскольку разрушить все заводы, выпускающие танки, самолеты, автомобили и прочую технику, было невозможно, то союзники поставили себе целью разбомбить только заводы по производству шарикоподшипников, так как без шарикоподшипников производить никакую технику невозможно. Благо в Германии было всего два центра производства подшипников – в Швайнфурте и Регенсбурге. И союзникам ценой больших потерь (треть самолетов была сбита немцами) даже удалось однажды эти заводы разбомбить. Но, как вспоминал Шпеер, у союзников не хватило настойчивости для повторных бомбардировок, и немцы эти заводы в течение месяца восстановили. В результате немцы в 1944 году выпустили оружия не только больше, чем в 1942 году, когда их еще бомбили слабо, но в четвертом квартале 1944 года произвели техники и оружия больше, чем в первом!

Так вот, в этом конкретном деле уничтожения промышленности туземные холуи Запада в России достигли гораздо более выдающихся успехов, нежели тогдашние руководители Великобритании и США, Черчилль и Рузвельт, причем без потерь со стороны Запада. Если взять те же шарикопод-

шипники, то дело здесь обстоит так.

В СССР производилось на 1990 год 1 миллиард 100 миллионов шарикоподшипников, из них в России – 784 миллиона. К моменту замены Западом Ельцина на Путина производство шарикоподшипников уже упало втрое – до 257 миллионов, Путин же сумел снизить их производство еще впятеро – до жалких 49 миллионов в 2009 году. Как видите, успехи, достигнутые Ельциным и Путиным в разрушении промышленности СССР, Черчиллю и Рузвельту и не снились.

Сельское хозяйство

Из-за сурового климата и больших расстояний хлеб в России всегда получался с большими затратами труда и был очень ценен, зерном скот кормили только богатые люди, крестьянину это и в голову бы не пришло. Ведь для получения килограмма мяса необходимо почти 10 килограммов зерна, в целом это потеря калорийности почти в двадцать раз. Слишком мало производилось тогда зерна в России, чтобы перейти на такой способ производства мяса. Даже в 1913 году, самом урожайном за историю империи, было произведено зерна в границах СССР всего 98 млн тонн. В 1989 году, в год прихода к власти будущих туземных холуев Запада, производство зерна составило 211 млн тонн, а бывало и 240 млн тонн.

Да, из полученных 98 млн тонн в 1913 году Россия экспортировала 9 млн тонн, и нынче туземные подпевалы Запада по этому поводу заявляют, что Россия кормила хлебом всю Европу. Это не так: в России душевое потребление зерна было вдвое ниже, чем в Европе. Россия своим зерном кормила скот в Европе, она кормила Европу мясом и молоком, хотя только половина своих детей доживала до 10 лет, в том числе и из-за отсутствия мяса и молока.

Князь Багратион, полковник генштаба русской армии, в 1911 году писал: *«С каждым годом армия русская стано-*

вится все более хворой и физически неспособной... Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы... Около 40 % новобранцев почти в первый раз ели мясо по поступлении на военную службу».

Между тем относительная цена на мясо в России тех времен нам должна казаться не очень высокой. Вспомним, что в начале 80-х годов белый хлеб стоил 25 копеек за килограмм. Мясо по 2 рубля в магазинах бывало редко, но на рынке его можно было купить за 3—4 рубля. Соотношение между ценой килограмма хлеба и килограмма мяса было примерно 1:16. А в 1914 году в Москве, относительно дешевом в смысле продовольствия городе, белый хлеб стоил 5 копеек фунт, а говядина – 22 копейки. Соотношение 1:4,5. То есть относительно хлеба мясо в 1914 году было почти вчетверо дешевле, чем через 70 лет. И тем не менее 40 % новобранцев впервые пробовали его в армии!

Эти цифры и цены показывают состояние сельского хозяйства России, доставшейся большевикам. Несмотря на то что Россия кормилась и объективно, и субъективно практически одним хлебом (о зерне для производства молока и мяса и говорить не приходилось), то есть кормилась самым экономичным путем, производительность труда в этой отрасли была столь низка и товарность ее столь невелика, что в сельском хозяйстве работало почти 85 % населения страны.

Перед тем как Запад победил в войне и уничтожил СССР, в нем жило едва 5,5 % населения мира, а в сельском хо-

зяйстве работало только около 15 % трудоспособного населения. И сельское хозяйство СССР (напомню, при крайне неблагоприятном климате) в 1989 году произвело 11 % мирового производства зерна, то есть вдвое больше среднемирового показателя в расчете на душу населения. Производство хлопка составило 15 % – почти в три раза больше, картофеля 27 % – почти в пять раз больше, сахарной свеклы – 36 %.

По производству продуктов питания на душу населения СССР прочно вошел в пятерку самых высокоразвитых стран мира, несмотря на то, что климат в СССР для сельскохозяйственного производства во много раз хуже, чем в любой из этих четырех стран – США, Великобритании, ФРГ и Японии.

Посмотрите на карту: Великобританию омывает теплый Гольфстрим, там на открытом воздухе растут пальмы, северная граница Германии находится на широте Смоленска и Рязани, все земли Германии расположены на широтах Украины, север Японии южнее Астрахани, юг Японии – это широты Египта, но с мягким морским климатом, северная граница США на 150 км южнее широты Киева; сама территория США – это настолько благодатная для сельского хозяйства земля по климатическим условиям, что наши крестьяне о такой и мечтать не могут. Что делать, СССР с географическим положением не повезло очень крупно: ни морей на границах, ни дождичка в мае.

Тем не менее колхозное сельское хозяйство СССР со своих скудных земель обеспечивало граждан СССР лучше, чем США, Германия, Великобритания и Япония в среднем обеспечивали своих граждан. Только по мясу было отставание, но правительство СССР не собиралось останавливаться на достигнутом. Это западные страны считали, что у них уже все хорошо с питанием, а в СССР так не считали.

По производству зерна СССР уступал немного США, но зерно не характерно: для хлеба его давно хватало и оно в своей массе было кормом скота – основой производства мяса и молока. По производству мяса СССР тоже уступал США и Германии, но по сумме мясо + рыба – только США и Японии.

По молоку только Германия несколько опережала СССР, зато остальные страны отставали чуть ли не вдвое. По сахару мы уступали только Германии, все остальные страны опережали, и значительно. По производству животного масла СССР в мире не было равных...

В 1989 году уже не Россия отрывала от себя зерно, чтобы в других странах у детей были молоко и мясо, теперь уже она сама покупала зерно и мясо, чтобы у советских детей все это было. И тратила на это всего лишь 1 % доходов своего экспорта.

Сельское хозяйство СССР производило продукты питания на 2200 миллионов калорий в год на душу населения. Это на треть больше того, что имело в среднем вместе взятое население указанных четырех западных стран (1600 милли-

онов калорий), а по белкам на четверть больше (67,8 килограмма в год против 54,9 в среднем по США, Великобритании, Германии и Японии).

Некоторые читатели заметят, что у этих стран пусть земли и хорошие, но их мало, не на чем выращивать. Ничего подобного! В США платятся огромные деньги фермерам, чтобы они не засевали свои земли и этим не сбивали высокие цены на продовольствие.

Причина в экономике. В СССР плановая экономика имела цель обеспечить питанием каждого, повторяю, каждого гражданина. А на Западе – только людей с достаточным количеством денег.

Но вот республики СССР стали колониями Запада, как говорится, горе побежденным! Возьмем для сравнения Россию, Украину и Белоруссию. В России и на Украине режим откровенно колониальный, в Белоруссии Батка хоть как-то пытается удержаться в откровенной блокаде Запада.

Воспользуюсь официальными данными (хотя веры этим данным по России и Украине нет никакой), для чего возьму их из источника http://www.xliby.ru/istorija/kuda_idem_belarus_rossija_ukraina/p7.php, в котором делается сравнение 2008 года с 1980-м, то есть за период почти в 30 лет.

За эти 30 лет произошел огромный скачок в технике и технологии. К примеру, в 1980 году домашние стационарные телефоны мало у кого были, созвониться с другим городом

было весьма хлопотно, пользовались в основном почтой и ныне забытым телеграфом. О сотовых телефонах, об электронной почте и фантасты еще не писали ни в каких странах. Достижением счетной техники являлись первые электронные калькуляторы, весившие 5—6 кг, очень редкие даже на предприятиях и умеющие выполнять только простейшие арифметические операции. Помню, как-то летел в самолете с соседом по креслам, который возвращался из зарубежной командировки и вез с собою японскую видеокамеру. Этакую диковинку он собирался в Москве обменять на автомобиль «Жигули». А кого сегодня удивишь видеокамерой?

Возможно, и не такой огромный, как в этих отраслях, но, тем не менее, существенный скачок в мире произошел и в области сельского хозяйства. Но что в итоге в странах СНГ?

Объем сельскохозяйственного производства составлял в 2008 году по сравнению с 1980 в России менее 90 %, на Украине – менее 70 %, хотя в 1990 году эти республики уже производили сельхозпродукции на 25 % больше, чем в 1980-м. И только в Белоруссии в 2008 году по отношению к 1980 году этот объем увеличился на 25 %. То есть весь прогресс в сельском хозяйстве обошел наши суверенные государства стороной.

Введение мировых цен на сельхозпродукцию является убийством для сельского хозяйства наших стран, в том числе и Белоруссии, и, разумеется, доходы работников сельского хозяйства резко упали везде. Средняя зарплата в сель-

ском хозяйстве, в процентах от средней зарплаты по всем отраслям экономики, в России составила около 55 %, 45 % на Украине и 62 % в Белоруссии от того уровня, что был в СССР.

Падение сельскохозяйственного производства наших стран конкретно выражается в следующих числах, повторю, наверняка приглашенных в России и на Украине. Сбор зерновых со средних 98 млн тонн в год в 1981—1990 годах упал до 72 млн тонн в год в 1996—2005 годах в России (на 27 %), со средних 43 млн тонн в год до 31 млн тонн на Украине (на 28 %) и со средних 6,5 млн тонн в год до 5,6 млн тонн в год в Белоруссии (на 14 %).

Численность поголовья крупного рогатого скота по сравнению с 1980 годом в Белоруссии упала к 2000 году до 60 % и с тех пор стоит на этом уровне, в России к 2008 году упала до 35 %, на Украине – до 22 % и продолжала падать.

Численность поголовья свиней по сравнению с 1980 годом в Белоруссии упала к 2008 году до 80 %, в России – до 42 %, на Украине – до 33 %.

Как результат производство мяса по сравнению с 1980 годом в Белоруссии упало к 2008 году до 95 %, в России – до 70 %, на Украине – до 55 %.

Что касается России, то приведенный источник сообщает, что в феврале 2005 г. на Всероссийском конгрессе экономистов-аграрников вице-президент Российской академии сельскохозяйственных наук и директор Института экономи-

ки сельского хозяйства И. Ушачев сказал: «В среднем объемы потребления продовольствия на душу населения с 1990 года сократились на 22 %, а по отдельным видам продуктов, таких, как мясо, – в 1,4 раза, молоко – в 1,7 раза и рыбопродукты – в 1,8 раза... Значительная часть населения страны не может позволить себе питаться даже на уровне минимальной потребности, а средние рациональные нормы питания доступны лишь 10—20 % россиян». Что уж тут поделать – колонии не полагается питаться так, как свободной стране.

Военное производство

Давайте проведем сравнение военного производства СССР во Второй мировой войне с военным производством Российской империи в Первой мировой, ведь между войнами прошло чуть более 20 лет, а СССР по площади был даже меньше, чем царская Россия. В Первой мировой войне Серединные империи – Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и примкнувшая к ним Болгария – имели общую численность населения на начало века примерно 120 миллионов человек, то есть меньше, чем имела одна только Российская империя. Против них в Европе воевали страны Антанты: кроме России, воевали Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, Румыния, Сербия и Черногория, Греция, Португалия, в конце войны и США. Их общую численность населения на начало века можно оценить в 360 миллионов человек. Кроме этого, Франция имела в колониях 80 миллионов человек, а Великобритания – 400 миллионов. На Дальнем Востоке еще была и активно участвовавшая в войне Япония. Перевес Антанты был оглушительный. Тем не менее до конца войны ни один иностранный солдат не ступил на землю Германии, а Российская империя показала исключительную беспомощность именно в военном отношении, в том числе с экономической точки зрения.

А ведь в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

СССР воевал не с 120 млн тогдашних немцев и их официальных союзников – он воевал практически со всей Европой, численность которой (за исключением союзной нам Англии и не сдающейся немцам партизанской Сербии) была около 400 млн человек.

В связи с этим в ходе Великой Отечественной войны шили в СССР надели 34 476,7 тыс. человек, то есть 17,8 % населения. А Германия мобилизовала в свои вооруженные силы аж 21 % от численности населения. Казалось бы, немцы в своих военных усилиях напряглись больше, нежели СССР. Но в Красной Армии в большом количестве служили женщины, как добровольно, так и по призыву. Почему так?

Для того, чтобы сражаться, нужны не только солдаты, но и оружие с продовольствием. А для их производства тоже нужны мужчины, которых женщинами или подростками заменить нельзя. Поэтому и вынужден был СССР посылать на фронт женщин вместо мужчин. У немцев такой проблемы не было: их обеспечивала оружием и продовольствием вся Европа. Французы не только передали немцам все свои танки, но и произвели для них огромное количество боевой техники – от автомобилей до оптических дальномеров. Чехи построили весь парк немецких бронетранспортеров, большое количество танков, самолетов, стрелкового оружия, артиллерии и боеприпасов. Поляки строили самолеты, польские евреи производили для немцев взрывчатку, синтетический бензин и каучук, шведы добывали железную руду и постав-

ляли немцам комплектующие для боевой техники (к примеру, подшипники), норвежцы снабжали гитлеровцев морепродуктами, датчане – маслом... Короче, вся Европа старалась, как могла. В итоге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.